

18+

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

Бессоница в аду

Лариса Васильева

Бессоница в аду

«Издательские решения»

Васильева Л.

Бессоница в аду / Л. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985888-7

Простую домохозяйку случайно похищают вместе с несколькими девушками. Девушек везут в закрытое учреждение для развлечения сотрудников этого центра, а Марию и еще двух пожилых женщин похитили для других целей — они должны стать подопытными кроликами при отработке новых современных технологий омоложения. До этого времени все проводимые здесь эксперименты на людях заканчивались плохо, летальным исходом.

ISBN 978-5-44-985888-7

© Васильева Л.
© Издательские решения

Бессоница в аду

Лариса Васильева

© Лариса Васильева, 2020

ISBN 978-5-4498-5888-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бессонница в аду.

(Хан, XXI век)

«Вот оно, счастье!» – думала Мария, усевшись на старом бревне в своем саду. Она любовалась этим маленьким раем: цветущими вишнями, клейкими еще листочками роз и смородины, игрой света и тени под деревьями, вдыхала аромат первой зелени и парившей на солнце свежевскопанной земли. Слушала жужжанье пчел и каких-то других мелких насекомых, вьющихся вокруг вишен. Сегодня чудная погода – солнышко светит, тихо, каждый звук разносится далеко-далеко по всей округе.

Бывают в жизни такие моменты – совершенная гармония души, тела и природы, полный покой. А что такое счастье? Это и есть покой, она полностью согласна с Михаилом Афанасьевичем – прав Булгаков. И всего-то для этого нужно, чтобы здоровье пришло более-менее в норму, в семье царил порядок и на работе тоже. Вот так, как у нее сейчас. А сегодня так вообще прекрасный день: отменили субботник в ее родном проектном бюро, и она могла в полное свое удовольствие весь день копать в огороде.

Мария еще раз взглянула на свежевскопанные грядки – хорошо поработала, приятно посмотреть на ровные бороздки, подготовленные к посеву редиса. С чего это пару лет назад ее вдруг потянуло к земле? Наверняка в ней есть кровь земледельцев. Или это возраст так меняет людей: раньше даже слышать не хотела обо всех садово-огородных делах, не терпела эту тему разговора, хотя ее сотрудницы всегда любили обсуждать дачные проблемы. А сейчас сама вот полюбила свой клочок земли, он давал ей не материальные ценности, не пучок редиски, а душевное спокойствие и такие, как сейчас, редкие минуты довольства жизнью. Копашь грядку, и все плохие мысли улетают, испаряются вместе с потом... И почему она раньше не ценила этот способ релаксации? Работай – и не нужны никакие аутогенные тренировки. Теперь кинулась наверстывать упущенное время, каждую свободную минутку бежит сюда, а весной ее особенно тянет к земле, все время хочется посадить что-то необычное, она постоянно приобретает разные новинки – «цветы, необычайной красоты». Чего еще ждет нового? Все ведь зависит от климата, а то, что может здесь расти, – у нее уже есть. Тем не менее, каждый раз выкладывая денежки за какой-то корешок, луковицу, она надеется, а вдруг попадется что-то такое красивое, такое вырастет у нее чудо...

Мария целый день провозилась на участке и только сейчас, посидев на бревне, почувствовала, как сильно устала, аж ноги и руки гудят, наработалась так, что не хочется вставать... Все-таки как славно сидеть вот так и думать обо всем и ни о чем... Вся ее жизнь прошла в этом городке, на этой тихой улочке. И не тянет ее никуда, никакие большие города не влекут. Видно, так здесь и будет жить до старости... Раньше она всегда жалела одиноких стариков, обитающих по заброшенным российским деревням: живут, покинутые детьми, забытые всеми... Всегда возмущалась, почему же дети не забирают их к себе? А теперь поняла: им, старикам, как вот

и ей сейчас, просто не хочется никуда уезжать, бросать родное гнездо... Она тоже останется здесь навсегда, да, пожалуй, она будет даже рада, если ее сын уедет отсюда.

Мария подумала о нем, и ощущение покоя исчезло. Сын всегда доставлял ей столько хлопот... Как быстро жизнь промелькнула – вот уж он и вырос, заканчивает школу, и пора бы перестать беспокоиться о нем, но не получается. Мария услышала, как соседи громко переругиваются на своем участке, потом они включили приемник в машине, и грубые звуки рока окончательно разрушили идиллию. Она уж хотела продолжить работу, но тут музыку сменили сигналы точного времени – о, уже шесть, пора идти готовить ужин, сейчас ее мужики вернутся домой...

И в этот момент раздался перезвон мобильного.

– Мария Николаевна? Вас беспокоит классный руководитель... Тут возникли некоторые проблемы, вам надо бы подойти сюда.

– Что случилось?

– Алексей опять нахамил преподавателю и, как вы помните, не первый раз. К тому же теперь, накануне выпускных экзаменов, представляете?! Произошел этот инцидент в присутствии всего класса... Все тут возмущены до предела! Даже соученики его не поддерживают. Ситуация очень неприятная... Так что, думаю, вам лучше поторопиться. Жду вас.

Мария кинулась к дому, скорее, скорее, слегка сполоснула руки и лицо, влезла в джинсы, где же пиджак?! А, вот он! Выходя из дома, глянула на себя еще раз в зеркало и сама себе укоризненно покачала головой: ну у нее и вид! После работы на свежем воздухе лицо горит, волосы, как солома, не слушаются расчески, а возиться с ними сейчас некогда, и на макияж тоже времени нет. Она махнула раздосадованно рукой и выскочила из дома, надеясь хотя бы с сыном разминуться, – он так бдительно следит за ее внешним видом, требует, чтобы выглядела всегда хорошо, была молодежливой, спортивной... А со всем этим у нее большие сложности...

Да, к ней сын всегда требователен, так же как и его отец, но почему-то именно ей постоянно приходится унижаться из-за него, из-за его хамства... Опять придется извиняться... Подарить что-нибудь обиженной учительнице или та еще больше обидится? Как это все неприятно, скорей бы закончилась школа! Это ведь уже не первый случай. Откуда в нем столько высокомерия, нетерпимости? Наверно, это ее вина, это она таким его воспитала...

Мария почти бегом припустила к школе, хорошо хоть на улице никого нет, а то молодые люди посмеялись бы над ней: тетка мчится... Уже добежав до последнего поворота, взглянула на свои руки и ужаснулась: ногти в черной кайме – досадное доказательство ее любви к огороду. От утреннего маникюра и следа не осталось! Ах, как неловко! А у всех преподавателей руки такие ухоженные, словно они только ими и занимаются весь день... Что же ей делать – сидеть, спрятав руки под стол? Она огляделась: вокруг вроде никого. Достала из сумочки пилочку для ногтей и, стараясь делать это незаметнее, стала быстро вычищать чернозем. Видел бы ее кто-нибудь сейчас!

В этот момент рядом затормозила машина, большая, темная, с тонированными окнами. Мария замерла – неужели знакомые засекли? Открылась задняя дверца, и оттуда появился незнакомый парень, крепкий, коренастый, за ним второй, такой же качок.

– Простите, вы не подскажете, где тут первая городская поликлиника? – подошли они к Маше.

– Вон там, за углом, – Мария вздохнула с облегчением – чужие, и начала было объяснять подробнее.

Парни подошли ближе, и вдруг один из них вынул из кармана баллончик с аэрозолем. Мария не успела даже удивиться, как тот брызнул ей в лицо какой-то гадостью. Она тут же отключилась. Женщина не почувствовала, как ее ловко подхватили под руки и затем так же

сноровисто и бесцеремонно, словно мешок с картошкой, сунули в машину на – там уже сидела привалясь к дверце еще одна спящая жертва. Машина тронулась с места.

И, конечно, Мария не услышала разговора похитителей, разглядывающих ее в машине:

– Слушай, а сколько ей лет? – спросил один.

– Да лет шестьдесят, наверно.

Мария, услышав это, потеряла бы сознание снова – ей было всего сорок пять лет.

– А зачем нам такая? Ни то, ни се... Олег говорил, что надо привезти пару старух за семьдесят. Может, выкинем? Пусть думает, что ее ограбить хотели...

– Еще скажи – изнасиловать, – расхохотался второй. – Глянь, какая у нее морда красная, как у дворника! А одета как! Эта пенсионерка, небось бывший инженер из конструкторского бюро или учительница, на одной пенсии сидит, у такой тетки и грабить-то нечего. Разве что своих добавить – сунуть в кошелек пару штук... Представляешь, очнется тетка, а у нее деньги прибавились, будет думать, за что это ей?! Скажи, клево я придумал?

– Это не ты придумал, – пробормотал обиженно его напарник. – Ну, так что? Везем или выбрасываем?

– А чего выбрасывать, раз взяли – пусть едет, шефу всякие нужны, и бабку еще прихватим, на всякий случай...

Очнулась Мария от толчков, ее бросало из стороны в сторону, и она сильно стукнулась обо что-то головой. Долго лежала в темноте, не могла понять, где же это она? Сначала ей показалось, что она едет в поезде, вагон ритмично качает. Не пытаясь встать, она ощупала все вокруг и поняла, что лежит на матрасе, никаких перегородок и скамеек, как в поезде не было, и, кажется, рядом еще кто-то спал, о чью голову она и стукнулась. Если это вагон, то почему же они на полу? Это не поезд, поняла она, скорее фургон, а пол в нем застелен матрасами.

Она села, в темноте ей померещилось, что поблизости с ней на полу спит еще не один человек, а много людей! Она вроде бы разглядела лежащие вповалку тела. Голова у нее закружилась, женщина снова легла и заснула. Когда проснулась в следующий раз, было уже посветлее, по-видимому, снаружи наступил день: сквозь мельчайшие щели вокруг двери в конце громадного фургона пробивались тонкие лучики света. Ей не приснилось – вповалку на всем видимом пространстве спали девушки. Одна, так же как и Мария, очнулась и села одновременно с ней.

– Где я? – сонно спросила девчонка.

Это была первая ласточка, за ней стали просыпаться другие, и все спрашивали одно и то же: – Где я?

Сначала девушки, сидя или лежа, вяло осматривались вокруг, сонно таращились в полумраке, изредка переговаривались. Такое постепенное пробуждение длилось часа два. Затем появилось некоторое разнообразие: кто-то захотел в туалет, кого-то затошнило, а одна пожалала пить. Потом девчонки постепенно осознали, что их похитили и куда-то увозят, начались слезы, плач. Это оказалось настолько заразительным, что вскоре вокруг зазвучали стоны, истеричные всхлипывания, а одна девица зычно разбавляла этот дружный хор крепким, мужицким матом. Но вот плач постепенно стих, наиболее решительные из девчат принялись обследовать общее жизненное пространство, сразу отыскивали выключатель, включили свет, теперь хотя бы друг друга можно было разглядеть.

Все похищенные оказались молодыми красивыми девушками за исключением троих: Марии и еще двух женщин, одна из них постарше нее лет на десять, а другой и вовсе за семьдесят, так ей показалось в полумраке.

Постепенно, когда первый шок прошел, женщины начали знакомиться и, конечно, выяснять подробности похищения каждой, строить различные предположения. Как они поняли, действовали, скорее всего, две группы похитителей, так как захватили девчат в разных, хотя

и соседних городках, машины у похитителей тоже были разные. Похоже, бандитов было не менее четырех человек. При похищении, всем жертвам брызгали в лицо какой-то дрянью, потому сейчас все чувствовали себя отвратительно и всем хотелось пить.

Сразу напрашивалась одна версия: их везут в какой-нибудь бордель, скорее всего, в другую страну. В эту теорию не вписывались только три пожилые тетки – их-то зачем тащить через границу?

Выбор похищенных был явно случайным: возраст, образование, социальное положение у всех оказались разными, ничего общего, кроме внешности молодых девчонок, – все без исключения хорошенькие. Ни за кем раньше не следили, этого никто не замечал, не было никаких звонков, никто ничего не предлагал. Да и во время похищения почти все девушки случайно оказались на улице, вот как Мария, которую внезапно вызвали в школу. Кому-то позвонила подруга, предложив встретиться, другая выскочила в магазин и одета была по-домашнему, магазинчик-то был в соседнем подъезде, девушка даже жакет не накинула, так и ехала в одной футболке. Кто-то задержался на дискотеке, кто-то шел с вечерней смены.

Время от времени женщины еще принимались кричать, стучать в стенки фургона, но никакой реакции на это не следовало, и, поняв бесполезность таких действий, все притихли.

Выяснилось, что в конце громадной фуры выгорожены небольшие помещения: за одной дверью обнаружили биотуалет, а за другой что-то вроде кухни – там были сложены пирамиды из упаковок минеральной воды, соков, колы и спрайта, различных йогуртов. Холодильник забит пачками сосисок, сыром, колбасой. Кроме того, на стеллажах в коробках лежали свежие овощи, фрукты и хлеб. Уморить голодом их, по крайней мере, никто не собирался.

Мария находилась в каком-то шоковом состоянии, безучастно наблюдала за сменой настроений девушек: они то рыдали, словно заражая плачем друг друга, то принимались петь. Она же не проявляла никаких эмоций. Ее матрас лежал в самом начале фургона, потому она могла сидеть, прислонясь к его передней стенке, – от долгого лежания на твердом полу уже начали болеть бока.

Рядом с Машей с одной стороны, в углу, лежала самая старшая женщина, Валя – так она представилась, хотя Марии все время хотелось назвать ее по имени—отчеству или на деревенский лад – тетя Валя. С другой стороны на матрасе ежилась совсем молоденькая девочка, Ирочка, всего-то лет шестнадцати – семнадцати. Она замерзла в своей легкой открытой майке, и Мария дала ей погреться свой пиджак. Спустя какое-то время третья пожилая женщина с восточной внешностью попросила Ирочку поменяться с ней матрасами и заняла место справа от Марии. Она оказалась самой беспокойной, тут же начала разговор:

– Меня Галя звать, а тебя?

– Мария, – на этом участие Марии в разговоре, в принципе, закончилось, дальше Галя все взяла на себя: – А тебя? – спросила она только третью товарку по несчастью и потом уже говорила практически одна: – У меня сегодня день рождения, гости придут. Сын с невесткой, братья со своими женами, племянник, тоже с женой. Они все любят ко мне ходить, я готовлю хорошо и квартира у меня большая. Старик мой, Генка, уже барана привез, махан бы сварила...

– Что? – Мария не поняла.

– Мясо бы наварила, – пояснила Галя. – А еще я на день рождения всегда дотур стряпаю! – голос у нее стал мечтательным: – Генка барана зарежет, кровь соберет – хото приготворю...

– Что? Барана зарежет? В квартире? – У Маши было такое чувство, что у нее что-то со слухом или вообще с головой.

– Зачем в квартире? – удивилась Галя. – В гараже.

– Как зарежет? Сам?

– Конечно! – Галя смотрела на нее, как на дуру. – Как обычно, как все режут: ножом по шее... Он все аккуратно делает, кровь в кастрюльку соберет, кишки там, в гараже, промоет, я потом их еще кипяточком обдам, желудок выскоблю – люблю, чтобы белый был. Некоторые варят нечищенным, я такого не люблю, брезгливая, мне кажется, что воняет... Я дотур целиком варю, еще туда печень кладу, легкое и колбасу кровяную – хото... Все вместе варю. Потом вынимаю и мелко режу: и печень, и кишки, и желудок, все смешиваю и каждому в тарелку добавляю в бульон. Ях—ях, такая вкуснятина!.. Да еще тузлук сделаю... Знаешь, как я его делаю? – Мария покачала головой, она даже не слышала такого слова – «тузлук».

– Лук режу мелко и перетираю с солью, потом заливаю шулюном, – продолжала свой захватывающий рассказ Галя, ее широкое плоское лицо стало довольным, похоже, она совершенно забыла, где находится.

Марии не хотелось слушать ее. Похищение, странная поездка в фургоне, азиатка, лежащая рядом и так некстати рассказывающая о приготовлении диковинных блюд, с такими необычными подробностями, словно речь шла о каком-то жертвоприношении, – все это вместе создавало ощущение нереальности происходящего с ней.

А Галя, посмаковав вкусные воспоминания, улеглась удобнее на своем матрасе и захрипела. Но теперь заговорила Валя:

– Господи, и что только люди ни едят: и кишки, и навоз.

– Какой навоз? Она же чистит желудок от химуса. Химус – содержимое желудка, – пояснила Мария.

– Тьфу, аж противно слушать: от навоза чистит и варит! – Валя настойчиво называла содержимое желудка навозом. – Я бы такую кастрюлю поганую сразу выбросила.

– Это у них национальное блюдо, – попыталась защитить соседку Мария.

– А какой же она нации?

– Не знаю, – растерялась Мария. – Сейчас у нас все перемешались – буряты, калмыки, даже монголы есть.

– А мы овец не держим, у меня корова с телком. И кто теперь ее доит? Мужик мой никогда до конца не выдаивает, загубит коровку... И картошку пора сажать, думала, сегодня половину с моим стариком высадим, а там, на выходные, сын с внуками приедет, остальную посадит. Ах ты, господи, – вспомнила она, – сливки-то я не убрала, прокиснут! Думала, Вася заберет себе, сливки через день уж съдут, будет им сметанка свеженькая... И капусты ему надо бы дать, квашеной... У меня с осени еще кадка стоит, вкусная, как будто только заквасили. Они же сами на зиму не заготавливают ни капусты, ни огурцов... Нашел себе барыню, ничего не хочет делать, сидит цаца, целыми днями ногти точит. А то уляжется на кровати, ноги растопырит и лежит звездой. Тьфу, прости меня, Господи, я в таком виде перед мужем-то никогда не лежала, а эта и меня не стесняется! Целый день растопыренная, и как у нее ноги только не повыворачиваются!

Это она о невестке, поняла Мария, и чтобы хоть как-то поддержать разговор, спросила не в лад:

– Сын недавно женился?

– Та уж, слава Богу, внуку старшему двадцать пять лет, – Валя удивленно посмотрела на Марию.

«Ну вот, сын, оказывается, давно женат, а Валя до сих пор говорит о невестке с такой свежей ненавистью, словно та только что окрутила ее сыночка», – равнодушно подумала Мария.

Соседка еще долго что-то бубнила. Маше не хотелось отвечать, она словно оцепенела и больше совершенно не принимала участия в разговоре, не улыбалась, не сочувствовала, лишь безучастно выслушивала все подряд. Наконец Валя тоже потеряла интерес к разговору, зевнула и заснула. А Мария не могла спать, ей хотелось подумать. У нее было такое чувство, что именно

для этого ей дали время, чтобы подвести итоги – явно ее прежняя жизнь закончилась или же, закончилась совсем...

Она тихо лежала и вспоминала свою жизнь. Как же так получилось, что вот, прожила почти полвека и ничего-то не достигла, ничего не сделала? В молодости не безумствовала, один раз влюбилась и вышла за своего избранника замуж, хотя и понимала, что он не сильно в нее влюблен. Мужу не изменяла, не было у нее таких романов, о которых потом весь город говорит, верной была, не то что он... Все строила планы, ждала: вот вырастет сын, пойдет работать и тогда она сможет сделать то-то и то-то...

Выходит, ничего не успела, напрасно мечтала. Мария вдруг ясно осознала: она все делала неправильно, жила так, словно только готовилась к жизни, словно ее жизнь – черновик, и все еще можно будет переписать набело, пережить начисто... Если бы ей дали вторую попытку!.. Да, таких желающих много... Не зря ведь идеи реинкарнации так сильно распространились по всему миру.

А чему она радовалась, когда в тот последний вечер своей простенькой жизни сидела в саду? Какому такому счастью? Мария была немного суеверна и сейчас, хотя и не могла вспомнить, чем она была так довольна, все же стала винить себя: сглазила, боги ведь завистливы. Если все эти молоденькие девочки, возможно, еще и смогут как-то приспособиться, устроиться в новой жизни, то им, троим пожилым, в таком возрасте надеяться не на что. Непонятно, зачем же их надо было воровать? Она не могла найти ни одного разумного объяснения: разобрать пожилых баб на запчасти? Кому нужны изношенные органы? Можно было бы это понять, если бы их заранее обследовали, предположив, что именно ее сердце или почки подошли кому-то. Но она спросила и Галю и Валу, и выяснила, что никто из них в последнее время не обследовался, похитили всех явно случайно. В няньки, домработницы, в сиделки женщин просто нанимают, а не воруют. В рабыни? Зачем кому-то нужна усталая некрасивая больная прислуга?

Проснулась Галя, сходила в конец фургона, поела, вернулась и продолжила свой монолог так, словно не прерывалась:

– У меня дома всегда народу полно, племянники из районов приезжают. Знают, тетка хоть и строгая, но всегда накормит. Я их, знаешь, как держу? В строгости. У меня все утром рано встают, я валяться в кроватях не позволяю. Встал – постель убери, позавтракал – посуду за собой помой, плиту протри, вечером обязательно душ, не люблю, когда молодые ребята потом воняют. Никто не курит. Белье все – и девчонки, и мальчишки – сами стирают. А я утром джомбы наварю, борцык-морцык напеку целый таз и иду на работу, вечером возвращаюсь – пусто, все поели. Не успеваю молоко для джомбы носить. Мой сын, Санал, когда в армии служил, все время меня просил: мама, пришли борцыков. Я ему посылки все время слала. Там солдаты всегда голодные, все съедят. Борцыков напеку на бараньем жире, их долго можно хранить, и отправляю. Из баранины тушенку-мошонку сама варила: в банки литровые разложу мясо, уже готовое, специи всякие добавлю, лаврушку-маврушку, перчик-мерчик и томлю... За уши не оторвешь... Тоже в армию посылала.

Мария промолчала, но ее сильно поразило, что из бараньей мошонки Галя готовила тушенку. Что ж, она слышала, в каком-то племени в Африке едят бычьи яйца... Только сколько же это надо баранов порезать, чтобы тушенку из мошонок приготовить? А может быть, у баранов яйца такие огромные?

Потом проснулась Валя, тоже поела, и принялась рассказывать, сколько лука она посадила в прошлом году и сколько будет сажать в этом, и какие сейчас цены на лук-севок, и почему надеется продать урожай осенью, и куда истратит заработанные деньги и какой у нее младший внук умный, – заканчивает в этом году медучилище, будет фельдшером, уже может сам уколы делать... Мария и ее тоже слушала молча.

Такое путешествие длилось двое суток, да еще неизвестно, сколько они проспали. По тряске можно было судить только о том, какая под ними дорога – асфальт, щебенка или грунтовка. Фургон нигде не останавливался надолго, им никто ничего не сообщал. Женщины время от времени пытались привлечь внимание к себе, поднимали шум, особенно если машина тормозила, надеялись, что гаишники услышат, но никакой реакции снаружи так и не последовало. О них словно забыли, случись здесь у кого-нибудь приступ аппендицита или сердечный, так человек и умер бы тут без медицинской помощи.

Марии вдруг подумалось: а что если среди них есть та, которая следит за всеми, и произойди что-то важное, она бы сообщила наружу. Мария внимательно осмотрела девушек, но все они вели себя совершенно естественно, и выявить подсадную утку она, конечно, не смогла.

Среди похищенных скоро определился лидер – черноглазая, смуглая Рита. Она сразу запомнила имена, возраст и место жительства всех девчат. В ее цепкой памяти намертво застревают все мельком оброненные сведения: кто где учился, где работал, у кого какая семья. Вскоре она уже знала, у кого из девушек есть парень и на какой стадии находятся их отношения. Мария только поражалась – она сама еще не запомнила даже все имена. А бодрая, энергичная Рита к вечеру уже все держала под контролем, сразу пресекая то и дело возникавшие вспышки плача, жалоб и ссоры. Ее стали слушаться даже пожилые женщины. Удивительно, эта Рита и в таких условиях прекрасно выглядела, ее коротко стриженные волосы лежали так, будто она только что вышла из парикмахерской. Черные ресницы и брови не требовали макияжа, губы оставались яркими, на загорелых щеках лежал мягкий румянец. Интересно, кожа у нее такая, чуть смугловатая, или она солярий посещает? Хотя все девушки были симпатичными, Рита отличалась красотой. Маша невольно залюбовалась ею, сидя в своем углу на матрасе. Эта Рита из тех, кто всегда знает, как в данный момент надо себя вести, и легко меняет свое поведение в зависимости от окружения и обстоятельств. Такая нигде не пропадет, цену себе знает.

Выделялась еще одна, такая же яркая девушка, но совершенно другого плана: разбитная, бесцеремонная деваха Надежда, крепкая, широкая в кости, шумная, горластая. Машу коробила ее манера разговаривать в полный голос, никого не стесняясь, не понимала, зачем надо постоянно материться и так громко хохотать? Но хотя ей и не нравилась грубость Нади, нельзя было не признать, что эта девушка очень красива: брови вразлет, лицо круглое, аккуратный носик, рот только чуть великоват, может, потому, что она постоянно орет? Да еще, на взгляд Марии, она была слишком мощная, что ли, но фигура при этом пропорциональная, складная. А волосы у нее и вовсе, безо всяких оговорок, были просто чудесные – густые, чуть волнистые, темно-каштанового цвета с рыжеватым отливом.

Мария не принимала никакого участия в общих разговорах, хотя так же, как и другие, только молча, про себя, пыталась угадать, как дома восприняли ее исчезновение: ищут ли, заявили ли в милицию... Если на довольно ограниченной территории в один день пропадает больше десятка девушек, должны же на это обратить внимание компетентные органы? Могли бы устроить проверку на дорогах... Да нет, вряд ли, пока там все данные сведут воедино, их уже вывезут за тысячи километров, никто никогда не найдет. Да и не обо всех сразу заявят: кто-то одинок, а девчата-студентки, хоть и жили в общежитиях, но вряд ли их соседки поднимут панику. А уж в селах и вовсе будут долго раскачиваться, пока сообщат в райцентр... И, конечно, пропажу пожилых женщин не свяжут с исчезновением молодых девчонок. Как-то автоматически она сразу отнесла себя к разряду пожилых.

Зачем же их везут? Куда? В бордель? А старух-то, зачем тогда взяли? Случайно? Перепутали ночью? Нет, это глупо – даже если на улице не доглядели, то уж в машине увидели бы, да сразу на обочине и оставили бы, где взяли... Когда ее похищали, вообще еще было довольно светло, с ней даже разговаривали, видели, что не молоденькая... Она задремала, время от вре-

мени просыпаясь, вздрагивая от оглушительного смеха Надежды. Наконец та тоже утомилась, заснула.

– Тетя Маша, я так боюсь: что они с нами сделают? – в фургоне было уже совсем темно, когда Ирочка пробралась через всех спящих и осторожно разбудила Марию, не дав ей как следует заснуть.

– Не волнуйся, таких миленьких, как ты, не обижают... – спросонок автоматически солгала та.

– Можно я тут рядом с вами полежу?

– Ложись, – подвинулась Мария.

«Эх, глупая малышка, ищет себе защитника, покровителя, инстинктивно выбирает человека постарше... Только ошиблась ты, я не смогу защитить даже себя, не то что кого-то еще», – думала Мария. Самочувствие у нее до сих пор было мерзкое. Отравление, возможно, и прошло, но организм теперь активно реагировал на изменение места пребывания: у нее так бывало – при смене географической широты приходилось пару дней терпеть головную боль и тошноту. Из-за этого она не любила далеко ездить. Ирочка засопела рядом, а у Марии сон совсем пропал. Она взглянула на светящиеся стрелки часов, оказывается, было еще только около десяти ночи, рановато для сна, но почти все девушки к этому часу уже заснули – в фургоне сильно качало, лишь в самом конце кто-то все еще тихонько переговаривался.

Машина притормозила, проехала еще немного, резкий поворот и она остановилась. Дверь распахнулась, и раздалась громкая, четкая команда:

– Бабы, по одной выходи, шагом марш!

Женщины спросонок ничего не понимали, тарасились на ослепивший их свет, потом посыпались вопросы:

– Где мы? Куда нас привезли?

– Живее, живее! Что, я тут с вами всю ночь буду торчать?! – прервал их разноголосый нестройный хор властный голос. – Или дождетесь: сейчас сам вас повыбрасываю оттуда!

– Твою мать! Мы тебе что, солдаты?! – зычно возмутилась Надюха.

Девчонки двинулись к выходу, и там, прежде чем спуститься на землю, каждая на минутку задерживалась, несмотря на понукания, растерянно оглядывая ярко освещенный прожекторами двор и стоящий прямо перед ними – четырехэтажный дом с широкой крытой террасой. Девушки выходили из машины и дальше шли, покачиваясь, как моряки после долгого плавания. Всех укачало за долгий путь. Потом столпились на ступеньках у входа в здание.

Мария оказалась последней, она терпеливо стояла, молча ждала своей очереди спуститься вниз. Что без толку спрашивать, все равно никто не отвечает... Приблизившись к выходу, через головы девчонок с любопытством оглядела колоннаду у входа, как у старого здания министерства сельского хозяйства в их городе, охранников, стоящих около машины и наверху, на террасе, у входа в дом. Спускаясь из кузова по металлической лестнице, прямо перед собой увидела скуластое лицо молодого парня – это именно он спрашивал тогда, как куда-то там проехать. «Вот сволочь!» – с чувством подумала она, шагнула на асфальт, прошла сквозь строй охранников и вслед за девушками поднялась по нескольким ступенькам широкой лестницы к двустворчатой двери. Она хотела оглянуться и посмотреть, что там сзади, за машиной, но ее подтолкнули в спину, и Мария пошла быстрее. Все вошли и остановились посередине просторного холла. Девчонки теперь совсем проснулись, осмелели, начали громко требовать объяснений – куда и зачем их привезли, по какому праву? Вопросы сыпались со всех сторон.

Охранники стояли вокруг, разглядывали девчат, оценивая их, перебрасывались меж собой сальными шуточками и совершенно не обращали внимания на вопросы прибывших.

Они явно ожидали команды от своего начальника, расположившегося на диване у противоположной стены в окружении нескольких парней в черной форме. Это был крепкий аккуратный мужик, симпатичный, коротко подстриженный, в хорошем костюме.

– Ну что, Семен, все тут? – спросил он у одного из парней и, когда тот кивнул, встал, повернулся к женщинам и неожиданно громко гаркнул:

– Молчать!

Все замерли.

– Меня зовут Олег Аркадьевич, теперь я ваш непосредственный начальник. Слушайте меня внимательно, два раза повторять не буду, – начал он.

– Стоп, стоп, стоп! – тут же перебила его Рита. – Прежде чем вы что-нибудь скажете, сначала выслушайте меня. Я дочь полковника МВД, меня, разумеется, уже ищут и обязательно найдут. Но находиться здесь лишние часы я не хочу и поэтому предлагаю следующее: вы сейчас же грузите нас обратно и везете до ближайшего населенного пункта, там мы с вами расстаемся навсегда. Это надо сделать сразу, пока мы не запомнили никого из вас, не знаем, куда и зачем нас привезли. То есть у вас тогда не появится необходимость уничтожить нас как свидетелей. От имени всех женщин обещаю не давать словесных портретов и не составлять фотопортреты ваших лиц.

Олег Аркадьевич спокойно, с благожелательным выражением на лице, выслушал ее и продолжил свою речь.

– Обратите внимание, – он повысил голос, обращаясь ко всем, – она сразу нарушила несколько наших правил: перебила меня; заговорила, не дождавшись вопроса и не спросив разрешения; и в третьих, эта девушка пытается здесь диктовать свои условия. За это полагается хорошая порка. И это в первый и последний раз, когда я позволяю перебивать себя. И то только потому, – повернулся он к Рите, – что ты такая симпатяга, привыкла небось что тебе все во всем потакают. В дальнейшем за любое нарушение моих приказов последует суровое наказание. Поняла, деточка?

– Мой отец...

– Девочка, – перебил он ее, – да будь ты хоть дочь генерала, хоть маршала, но раз попала сюда, значит, такая у тебя судьба. Смирись и забудь, кем ты была и кто твои родители.

– Генералы тоже бывают разные, а мой отец такой, что всю землю перероет, но меня найдет. Давайте расстанемся мирно, – Рита говорила смело, уверенно, чувствовалось, что она привыкла распоряжаться.

– Ребята, десять плетей ей для начала. Жаль, твою кожу портить, красавица, но учить надо...

Два охранника тут же двинулись к Рите и, взяв с двух сторон под руки, потащили упиравшуюся девушку прочь из толпы.

– Да едрена мать! Чего вы к ней прицепились? – Надюха рванула вперед и двинула крепким плечом одного так, что тот выпустил Риту. Другие девчонки, стоявшие рядом, тоже кинулись на выручку. Тот парень, которого толкнула Надя, не обращая внимания на тычки других девушек, схватил свою обидчицу за руку и коротко, не замахиываясь, сунул кулаком ей в живот. Надя, хватая воздух ртом, молча осела на пол, в битве она больше не участвовала. Парни действовали грубо, безжалостно, били резиновыми дубинками и отшвыривали девчат. Поднялся шум, крики ярости и боли, на смену упавшим девушкам бросались другие, завязывалась настоящая драка. Тогда от дверей отделились другие охранники, двинулись к своим на помощь, на ходу вынимая плетки и такие же дубинки. Они нешуточно принялись лупить девчат, те вскрикивали, закрывались руками и постепенно сбились в кучку, как овцы, которых, покусывая, сгоняют вымуштрованные чабанские собаки. Громко ругающуюся Риту подвели к боковой стене, там на ее запястьях затянули ремни, прикрепленные к веревке, перекинутой через небольшой блок под потолком, потом один мужик стал натягивать веревку, а второй

придерживал девушку. Рита брыкалась, но постепенно вытягивалась во весь рост. Все с ужасом наблюдали за происходящим.

– Девчонки, что же вы стоите?! – взмолилась наконец Рита. – И вам же потом достанется, если будете так безропотно слушаться.

Кто-то из девчат двинулся было снова к Рите, но тут же смелая дивчина получила такой удар плетью, что отлетела к стене, а больше заступников не нашлось. Мария и хотела бы помочь, но голова у нее кружилась, ее охватила такая слабость, что стоять было трудно, она чувствовала, что еще немного и упадет. Да и как тут поможешь? Драться она никогда не умела. Риту подняли достаточно высоко, она уже висела на вытянутых руках, ее ноги не доставали до пола.

В это время в дальнем конце длинного коридора, выходящего в этот холл, показалась группа людей в голубых халатах и такого же цвета костюмах. Они шли и весело, шумно переговаривались. Шаги гулко отдавались под высоким потолком. В основном это были еще довольно молодые люди, по крайней мере, с точки зрения Маши. А те, что в костюмах, и вовсе казались молоденькими, лет по двадцать пять. Впереди шествовал высокий, худой человек, бросались в глаза его гордая осанка и высокомерное выражение лица.

– Ну, что тут нам подвезли? Чем порадуешь, Олег? – подойдя, он быстро, цепко оглядел девушек, на пожилых женщинах его взгляд не задержался.

– А что, совсем неплохо! – весело воскликнул остановившийся рядом с ним лысый, плотненький весельчак, на голову ниже и гораздо старше его. – Ишь, какие куколочки! Ну что, Хан, выбирай, а потом мы Пашку женим. Да, Паша? – молодой парень в халате кивнул в ответ. – А что же это ты, Олег, такую красавицу и сразу пороть?

– Строптивая, Леонид Сергеевич, требует, чтобы отпустили всех, говорит, у нее папа – генерал... Вот я со страху-то и велел вцепить десяток плетей...

– Правильно, пусть сразу узнает свое место, – равнодушно произнес высокий, разглядывавая девчат.

«Он здесь хозяин», – решила Мария.

При их появлении ребята, державшие Риту, приостановились было, но, получив одобрение, продолжили экзекуцию. Один их охранников сорвал с Риты блузку, пуговички так и посыпались на пол, потом бюстгальтер. Мария даже в такой момент отметила красоту ее тела, идеально гладкую кожу, ровный загар, крепкую, твердую грудь – у нее самой никогда грудь не была такой правильной формы, всегда тяжело отвисала. Второй парень тем временем вынул из-за голенища высокого солдатского ботинка плеть с деревянной ручкой и сильно хлестнул девушку по голой спине, та вскрикнула. До этого момента Мария все еще надеялась, что их просто пугают, ну не могут же всерьез пороть взрослого человека! И теперь она вскрикнула одновременно с Ритой, с ужасом глядя на красную полосу, появившуюся у той на спине. Ее возглас привлек внимание хозяина, и он остро глянул на нее. Палач вновь поднял плеть, Мария отвернулась – смотреть было страшно, но уши-то не заткнешь, и она вздрогнула от следующего хлесткого удара... А хозяин усмехнулся, глядя на нее, потом взглянул равнодушно на Риту и отвернулся, его внимание привлекла молоденькая Ира. Здесь было столько мужчин, молодых и постарше, неужели никто из них не выступит на защиту девушки, позволят издеваться над ней? Мария оглядела лица охранников и остальных, подошедших позже, – у некоторых на лицах явно читалось сочувствие к Рите, а тот, которого назвали Пашей, при каждом ударе болезненно морщился. Но некоторые смотрели на порку, затаив дыхание, с удовольствием. Марию поразило выражение лица того добродушного дядьки, веселого, толстенького, – Леонид Сергеевич явно наслаждался происходящим. Она заметила, как он быстро облизывает пересохшие губы, глаз не отрывая от Риты. Садист, что ли?

Олег Аркадьевич вслух отсчитывал удары. На Ритиной коже вспухали красные следы. Девушка начала громко материться, высокий человек теперь снова с интересом посмотрел на нее.

– Так, а девушкам здесь ругаться запрещено – или ты просишь прощения, или продолжим учебу. Что выбираешь? – Олег Аркадьевич выглядел сейчас, как школьный учитель у доски, муштрующий непослушного ученика.

– Пошел ты...

– Еще пять... Короче, пока не попросит прощения.

Ребята секли неторопливо, давая Рите время прочувствовать каждый удар и испытать страх в ожидании следующего. Под конец продленного наказания девушка замолчала, по ее щекам текли слезы. Она болталась на веревке, как мешок с песком, вздрагивая всем телом при каждом ударе, а плеть равномерно, не спеша прохаживалась по ее спине...

– Простите... – выдавила наконец она.

– Ну вот, так бы сразу... И что упрямитесь?.. Девочки, – обратился он ко всем прибывшим, – давайте жить мирно, вы же к нам надолго, даже более того – навсегда...

Риту тут же опустили на пол, отвязали руки. Она свалилась, как куль, измученная физически и, похоже, уничтоженная морально. Все остальные пленницы со страхом и жалостью смотрели на нее... Так расправились с самой сильной, красивой и смелой из них...

Теперь воцарилась полная тишина.

– Ребятки, обработайте ее! – распорядился худой.

Двое парней в голубых костюмах уже и сами направились к девушке и быстро, умело смазали рубцы на ее спине мазью, это, наверно, были медики. Мария слышала, как один из них успокаивал Риту:

– Ничего, ничего, все пройдет, не плачь, это ерунда, такие тут игры... Не надо, пока не закрывай спину, а то сотрешь всю мазь.

Хозяин внимательно наблюдал за их действиями.

– Такой красавице вообще надо всегда ходить голой, да, Стас?

– Ага... – кивнул тот, что уговаривал. – Я таких еще не видел, шеф...

Но хозяин уже отвернулся от них.

– Давай дальше, Олег, заканчивай свою лекцию...

Тот, как ни в чем не бывало, обратился к остальным девушкам:

– Итак, продолжим. Этот человек, – он поклонился в сторону высокого, – начальник всего нашего заведения, наш монарх, можете звать его на восточный манер – Хан, или на русский – Князь, он не возражает против любого имени. А вот этот обаятельный, веселый человек – Леонид Сергеевич, его зам.

Мария заметила, что по лицу толстячка метнулась тень, что-то ему не понравилось в таком представлении, а вот главному подходило имя «Хан», было в нем что-то вельможное, смесь превосходства, уверенности, чувства собственного достоинства, восточной невозмутимости и жестокости. Такой в любом обществе чувствует себя ханом. Наверно, рос в достатке, с детства пользовался положением родителей и мучил своих нянек и гувернанток.

Хан опять прервал Олега:

– Всех женщин проверили, здоровы?

Тот переадресовал вопрос охраннику:

– Семен?

– Да, пока они были в отключке, у всех кровь взяли, проверили: СПИДа нет, «венеры» и прочего тоже, – четко ответил тот.

– А эта чего тут сидит? – указал хозяин на скрючившуюся Надю.

– Хамила.

– Давай дальше, – Хан потерял к Наде интерес.

– Имена всех врачей я вам пока не буду называть, – продолжил Олег, – все равно перепутаете, потом познакомитесь поближе. К охранникам и лаборантам можете обращаться просто по именам, они ребята молодые, простые, без претензий, но уважение, конечно, все любят. Так что, девушки, ведите себя соответственно, старайтесь не высовываться, не задавайте лишних вопросов, ждите, когда к вам обратятся, тогда дольше проживете. Среди наших врачей есть очень нервные люди, они не любят, когда им перечат... – он помолчал, собираясь с мыслями. – Вас доставили сюда по приказу нашего Хана, – он снова слегка поклонился в сторону хозяина. – Да, девочки, вам крупно повезло, вы попали в закрытое учреждение, на волю отсюда никто не выходит, но жить и здесь можно. Это небольшой научный Центр, тут ведутся секретные исследования, а для обслуживания ученых и персонала требуются женщины. Извините за прямоту, но как тут еще выразишься? Если вы понравитесь кому-нибудь из здешних мужчин, вас возьмут в жены, конечно, неофициально, если нет – для таких найдется работа на ферме. Тут у нас все свое, полностью автономная система, почти полностью, – гордо заявил он. – Все мы тут подчиняемся только нашему Хану, – он взглянул в сторону Хана, тот равнодушно слушал его. – От его воли зависит, будете ли вы жить или умрете, так же, впрочем, как и все мы. Да, самое главное, если с ним что-нибудь случится, всех без исключения, весь персонал уничтожат, поэтому, как бы ни была горька здесь ваша жизнь, как бы она ни сложилась, все вы должны беспокоиться о его здоровье. Вся территория охраняется двойным кордоном. Есть внутренняя охрана и внешняя, они не выпустят без личного приказа шефа никого, даже меня. Понятно? Если кто-то попытается бежать, предупреждаю, на вышках постоянно находятся снайперы, они отлично стреляют, но сразу убивать не будут, просто перебьют позвоночник, это у них такая проверка на меткость – считается высшим шиком остановить человека, но не убить.

Он оглядел женщин, решая, проняло их или нет? Потом продолжил:

– Одна дура попыталась бежать, так ее подстрелили на контрольной полосе, и она неделю лежала там и стонала, сама не могла выползти. Все понятно, девочки мои, красавицы ненаглядные? Набирали вас для развлечения наших ученых, лаборантов и ребят – охранников, так что вам всем должно быть ясно: если будете грубить, хамить, сразу найдут для такой умной другое применение. Но, считайте, что вам все равно повезло – это все же не бордель, подумайте, сколько девчонок попадает за границу, а тут вы у своих и жить будете лучше, богаче, чем многие на воле.

Он повернулся к Маше и другим женщинам постарше, стоящим вместе:

– Ну а вас, тетки, разумеется, привезли сюда для обслуживания, это работа на кухне, на ферме и так далее. Завтра с вами разберемся, а сегодня можете отдыхать, позже покажу вашу комнату.

Потом он снова обратился к молодым:

– Жизнь тут у всех непростая, не думайте, что вас как-то особенно обижают, ничего, как говорится, личного, но слушаться надо.

Его прервал высокий:

– Как эту строптивую звать? Я беру ее себе, потом ту малолетку, – указал Хан на Иру, – и вот эту, экзотику.

Он по-хозяйски поднял подбородок смуглой Лики. Она строптиво отбросила его руку.

– Ну-ну, тихо... Какой же ты национальности?

– Русская...

– Ну, конечно, папа – негр, мама – азиатка, а ты русская... Так, вы трое – ко мне наверх, на второй этаж, ждите меня там. Паша, выбрал?

– Не знаю, Хан, может, эту, – молодой черноглазый парень, в таком же как и шеф, халате стеснительно указал на понравившуюся ему девушку.

– Остальных распределяй сам, Олег, – Хан обернулся к выбранным им девушкам: – Чего ждем? Я же сказал – наверх!

Он двинулся по коридору к видневшейся за поворотом лестнице, девушки все еще мешкали. Рита пыталась прикрыться разорванной блузкой, она гневно смотрела вслед шефу, но уже не рисковала громко возражать. К ним подошел охранник, угрожающе поднял плеть:

– Слышали приказ Хана? Или не дошло? Объяснить?!

И девчата покорно пошли следом за хозяином. Теперь понятно, почему он Хан, – гарем себе завел, как на Востоке... Среди оставшихся воцарилась тишина, но потом как-то незаметно атмосфера изменилась. Группа в голубом распалась, смешалась с девушками. Мужчины весело разглядывали девчонок, бросали им шутливые замечания. Вели себя так, словно они не выбрали себе рабынь, а в каком-то сельском клубе приглашали дивчин на танец. Девчата сначала растерянно жались, шарахались, потом непроизвольно начали прихорашиваться, поправлять растрепанные волосы, одергивать одежду и вот уже сами стали оценивать противоположную сторону, бросать кокетливые взгляды на понравившихся парней, даже отвечать на их остроты. Надя тоже пришла в себя, осмелела, громко парировала замечания и сама же первая смеялась своим сальным шуткам. Удивительно, но она понравилась невысокому, спокойному парню.

Мария потихоньку отделилась от толпы, отошла назад и у стены опустилась на корточки – ноги ее не держали. Она с изумлением отметила, что девушки словно забыли об ужасной сцене, разыгравшейся у них на глазах. Наивные, глупые дети... Ушлые девчата по поведению мужчин сразу поняли, что в халатах – это врачи, статус у них повыше, следовательно, и у их женщин также, и потому отобранные ими девушки уже несколько свысока поглядывали на оставшихся. Они словно гордились оказанной им честью. Но парни в костюмах, лаборанты, выглядели явно симпатичнее и моложе...

Олег Аркадьевич привычно руководил процессом, в спорных случаях сам решал, кому достанется понравившаяся девушка, строго придерживаясь местной служебной иерархии.

– Стоп, стоп! Серега, у тебя же есть девчонка? Ты же не начальник, чтобы иметь гарем, это только Хану полагается! Надеюсь, эти женщины у него дольше продержаться, чем прошлый завоз...

Когда всех девчонок разобрали, Олег Аркадьевич отправил оставшихся в другой корпус, значит, здесь несколько зданий, поняла Мария. Потом он показал ей и ее товаркам комнату в конце коридора первого этажа. Хотя, похоже, это не конец коридора, дальше он поворачивал за угол. Значит, здание в плане, скорее всего, имеет форму буквы «П».

Выделенная им комнатка была совсем небольшая, там стояли четыре кровати, на одной из них сидела старушка, лет восьмидесяти.

– Вот, Наталья, тебе напарницы.

– Привезли смертниц, – она угрюмо смотрела на вошедших. – Проходите, чего стоять-то, вон койки уже пустые, занимайте.

– Почему смертниц? – переспросила Валя.

– Так нас, старух, для опытов сюда везут. Долго такие тут не живут... Вы только сильно молодые для этого, и чегой-то они вас взяли? Мы тут все совсем старые были, рухлядь.

– Каких опытов? – Мария почувствовала, что от ужаса у нее немеет язык.

– Так они ищут лекарство от старости и на нас опыты ставят.

– Тихо, тихо, Наталья, не пугай женщин. Не так уж все страшно... Ну, будете витаминчики принимать, так это и в аптеке можно купить черти-же что, а тут все-таки проверяют, ученые ведь работают, не просто так людей травят...

– Ага, проверяют, на нас... Может, конечно, вам и повезет... Если повезет – помолодеете, а нет, стало быть, нет... Только при мне еще никому не повезло, за полгода пять старух померло...

– Да хватит тебе! Петровна умерла от рака, не успела и попробовать омолодиться... Ну, умер кто-то, так ведь возраст—то у всех у вас какой был! Долгожителей собирали по всем стардомам России, им и без посторонней помощи помирать уж пора было. Так что нечего

паниковать, все когда-нибудь умрем... – легко закончил он. – Располагайтесь, дамы, завтра вам выдадут все необходимое – белье там всякое, халаты. Потом решу, кто где будет работать.

– Ишь, мужиков-то не берут, только над бабами куражатся... – продолжала Наталья.

– А кто все время молодится, мужики или женщины? Кто кремами пользуется, подтяжки делает? То-то, потому женщин и везут, им лекарство должно подходить. Кстати, старики тоже тут были, не только бабки. Ну, все, баста, спите.

Олег Аркадьевич торопливо вышел. Кажется, ему было стыдно смотреть на побелевшие, вытянувшиеся лица женщин. Так, примерно этого она и ожидала... Вот такая, значит, у нее будет смерть – на лабораторном столе. Не зря по дороге сюда вспоминала всю свою жизнь, словно прощалась перед смертью...

– Ях-ях-ях, – заохала на свой манер Галя

Ночью Мария долго ворочалась, ее напарницы уже храпели, а она никак не могла заснуть, в конце концов встала, натянула чей-то халат, висевший на вешалке у двери, скорее всего, он уже не понадобится своей хозяйке, и вышла в коридор. Прошла до холла, а там – к окну. Бездумно смотрела на черное южное небо, усыпанное яркими звездами, на темные силуэты деревьев, на далекую сторожевую вышку с часовым. По двору пробежал громадный пес – тоже, наверно, сторож...

– Чего не спишь?

Она вздрогнула, обернулась – рядом стоял Хан в длинном полосатом махровом халате, подошел так неслышно... Смотрел на нее, сощурившись, подозрительно, недобро...

– Не могу заснуть... – она решила воспользоваться моментом и поговорить с хозяином их жизни, попросить, чтобы он отпустил ее, даже рот открыла, собираясь произнести: «Отпустите меня», – и тут же поняла, что это напрасно, зачем же тогда унижаться?

– И что ты хотела сказать? Чтобы тебя отвезли домой? – он насмешливо смотрел на нее. – Правильно, что не стала этого говорить.

– Почему?

– Бессмысленно, никого не отпущу. И чем же ты хотела мотивировать свою просьбу, какие есть основания? Что-то для кого-то изменится, если ты не вернешься?

Мария задумалась, а что может измениться? Да ничего не изменится. Сын небось и без нее поступит в институт, а муж другую себе найдет... На работе и вовсе не заметят ее исчезновения...

– У меня вот есть цель в жизни, глобальная, так сказать, от ее достижения у многих жизнь поменяется к лучшему. Наверно, из-за этого я и живу, хотя мне предрекали смерть еще семь лет назад. Я нужен человечеству.

– Я тоже нужна, – строптиво ответила она.

– Зачем? Кому? – Он даже рассмеялся. – Ну, расскажи, чем ты там занималась? И что такого особенного не успела сделать, нужного человечеству?

– Думаю, важнее быть нужной одному конкретному человеку, чем всему человечеству. Все человечество – это слишком расплывчато, все равно, что никому...

– Ну, это спорный вопрос. Если я найду способ продления жизни, молодости, то сколько людей будут мне благодарны! И неважно, что нескольким уже прожившим свое теткам, придется ради этого умереть. Ты вот явно свою задачу выполнила – детей родила, верно? Небось этим и гордишься.

– Да, я считаю, что для женщины главное – родить и вырастить умных и здоровых детей, мужчины же пусть двигают прогресс, раз рожать не умеют... А если мужчина заставляет жену еще и работать, то выходит, это он не состоялся как мужик. Хотя и мне гордиться особо нечем, я не мать – героиня.

– Если это твое жизненное кредо, тогда что еще от тебя ждать? Из детородного возраста ты уже вышла, зачем тебе жить дальше? Чтобы борщ мужу сварить? Да чтобы самой его есть и мужа пилить? Признайся, ведь пилила почему зря? – Он явно развеселился и вдохновенно продолжал унижать Марию: – Такие, как ты, только место занимают под солнцем.

– Не я придумала, чтобы люди жили до старости... Должен же кто-то и борщи варить... И потом, я не только мужу, а и сыну нужна.

С этими словами Мария направилась было к своей комнате.

– Стой!

Она не успела остановиться, повернуться, как ее плечо ожег удар плетки. Женщина вскрикнула и невольно схватилась за больное место.

– Мы еще не договорили. Заруби себе на носу, на будущее: если не хочешь получать порку, то жди, когда тебе позволят уйти. Я тебя еще не отпускал... – он помолчал и продолжил, как ни в чем не бывало: – Сколько лет твоим детям?

Мария мочала и он угрожающе поднял плетель.

– Сыну шестнадцать... – растерянно ответила она потирая плечо.

– О-о-о! Ему ты уже не нужна, – безапелляционно заявил он. – И что, всего один ребенок? Сын? Негусто... Наверняка ждет-не дожидется, чтобы избавиться от родительского надзора.

– Он заканчивает школу, скоро выпускные экзамены, ему нужна моя поддержка, а потом будут вступительные экзамены. Ведь он сейчас переживает из-за меня, не знаю, как он сможет заниматься? Мать пропала без вести... Для любого человека это большой стресс... Мальчик растеряется, не поступит в вуз... Алеша умный, ему бы надо учиться дальше... Он же еще совсем мальчик, ему нужна моя поддержка, – повторила она.

Она старалась говорить убедительно, но фразы выходили какие-то шаблонные, наверно, потому, что Хан попал в точку: в последнее время она чувствовала, что сын не чаёт избавиться от ее опеки. Только она все время задвигала эту мысль подальше – он же просто еще ребенок, не понимает...

– Нет, такие отговорки не принимаются, это все дела твоего сына: экзамены – его проблема, если он чего-то стоит, то пробьется сам. Да и муж ведь есть? Поддержит сына. И еще неизвестно, так ли уж ты занималась своими ребенком, как сейчас пытаешься представить? А сама-то ты что-нибудь значишь, без своего сына? Какую ценность представляешь для общества ты лично? Скажи хотя бы, где ты работала? Где просиживала свою жизнь?

– Я и сейчас еще работаю...

Мария замолчала. В проектном бюро, где она трудилась, заказов в последнее время практически не было, сотрудники действительно просиживали от звонка до звонка без дела... Просидела там двадцать лет – как направили после вуза, так и работала всю жизнь, хотя ее сразу ужасно разочаровала работа, не ее дело, не по душе, но поменять почему-то так и не решилась... Прежде как-то так выходило, что ее карьера медленно, со скрипом, но все же двигалась сама собой, а потом здоровья стало не хватать на все. Мужу нравилось, когда дома все блестит, и она постепенно привыкла только отсиживать на службе положенные часы, по возможности не бралась за сложные проекты, просто тайком отдыхала, сэкономила силы, чтобы выложиться дома. И ее вообще перестали замечать, спасибо за то, что не уволили до сих пор.

Двадцать лет она жила для мужа, для сына, всегда торопилась домой, чтобы приготовить ужин, создать уют, нагладить надоевшие рубашки, – муж требовал, чтобы каждый день была свежая, и сделать уроки с сыном. Она никогда не участвовала ни в каких «междусобойчиках» после работы – не отмечала с сотрудниками праздники, дни рождения, не обмывала чужие повышения, потому что ей всегда обязательно нужно было забежать в магазин, зайти в начале семейной жизни в детсад, а потом в школу, частенько – в детскую поликлинику, да все не перечислишь. Такой была ее жизнь, этот человек все угадал. Но пока сын учился в школе, это было оправданно: кто-то же должен был водить ребенка в ясли, поликлинику, сидеть с ним

на больничных, помогать мальчику в учебе, сам бы он не потянул. А вот чем она будет заниматься, когда Алешка покинет дом, уедет в институт? Маша уже не раз над этим задумывалась. И впрямь, зачем ей жить? Продолжать наглаживать Вениамину рубашки? Высокомерный Хан прав, она больше не нужна не только человечеству, – если так рассуждать, то половину населения Земли можно считать не нужной, – но и своим близким...

– Ради чего тебе жить? Ради пирожков, которые проще купить готовые, ради сплетен с соседками? Чего тебе ждать от жизни? Только внуков, чтобы постирать пеленки? И тянуть из государства пенсию?

– Я еще работаю... – повторила она.

– Сколько же тебе лет?

– Сорок пять...

– Господи, да у тебя даже не хватило ума вовремя заняться собой! Тебе же на вид пятьдесят пять! Настоящие женщины так не опускаются! Вон Гурченко, сколько ей? Семьдесят? А как она выглядит, молодых девчонок могла бы играть!

Мария отвернулась к окну. Что тут можно сказать? Объяснять, что ее брак не раз был на грани развала, и что она прилагала столько сил, чтобы сохранить его, а платила за это своими нервами, ранними морщинками? Что родители мужа болели по очереди, и ей пришлось ухаживать за ними, а они, к тому же, все время жаловались сыну на плохой уход? Она из кожи лезла, пытаясь им угодить, возилась с ними, а ее мать в это время тихо угасла, без всяких жалоб, и Мария до сих пор винила себя за то, что проглядела, не заставила ее вовремя лечиться... Да и сама она в последние годы вдруг начала без конца болеть... Когда столько несчастий сразу сваливается на человека, вряд ли у него остаются желание и силы заниматься своей внешностью. Хотя есть у нее знакомая, та все выдержала... Что поделаешь, она не такая, ну не борец, не смогла противостоять ударам судьбы. Да, выгляди она сейчас моложе, ее бы небось не взяли сюда с такой целью...

В отражении на стекле она увидела, что этот неприятный человек все так же злобно смотрит на нее. И почему он ей показался в первый момент таким красивым? Набросился, как коршун...

– Ну что, нечего сказать, клуша? – и совершенно не в тему, продолжил: – Как от бессоницы избавиться, не знаешь?

– Молоко горячее помогает...

– Пойди, нагрей, – распорядился он, и вдруг добавил: – И себе тоже. Вон там кухня, если закрыта – ключ вверху, пошарь над дверью.

Судя по выражению его лица, сейчас было лучше не спорить, она почувствовала: в случае неповиновения можно ожидать чего угодно – еще один удар плетью или кулаком или он вообще убьет ее... И Мария пошла, какой смысл вставать в позу, отказываться выполнять его распоряжения, ускорять свою смерть, если ей и так осталось жить немного? Если уж с красавицей Ритой так обошлись, то ей и вовсе нельзя надеяться на человеческое отношение.

На кухне она увидела громадный двухстворчатый холодильник, он оказался буквально забит свертками, пакетами и мисками с продуктами. Но пакетов с молоком что-то в нем не было. На средней полке, прямо перед ней, стоял керамический кувшин. Мария заглянула – молоко. Надо же, в кувшине хранят, что за странная прихоть – переливать молоко из пакетов в кувшин? Разыскала небольшую кастрюлю, налила в нее на глазок пару стаканов и поставила на плиту. Потом нашла две большие фарфоровые кружки и с горячим молоком вернулась в холл. Шеф сидел снаружи у распахнутой двери и трепал холку большой сторожевой собаки. Овчарка злобно ощерилась, увидев Машу. Выражение собачьей морды сильно напоминало выражение лица ее хозяина. Мария вдруг испугалась, она подумала: сейчас этот придурок натравит псину на нее, просто так, от скуки.

– Спокойно, Рекс, спокойно, свои.

Хан поднялся, оттолкнул собаку, закрыл дверь и взял свое молоко.

– Теперь мне можно уйти?

Но он остановил ее.

– Подожди, пойдем-ка на диван. Не хочется сидеть одному, все равно не засну.

Сел сам и кивнул ей на место рядом с собой. Отхлебнул молока, затем, морщась, повертел головой. «Остеохондроз», – подумала Мария, ей приходилось частенько массировать мужу шею, у него уже давно с этим были проблемы. Хан тут же заметил ее понимающий взгляд, похоже, от него ничего не скроешь.

– Умеешь массировать?

– Я не медик, так, немного своим разминала.

– Давай, – распорядился он, поставил молоко на деревянный подлокотник дивана и пересел на стул.

Мария тоже поставила свое молоко рядом с его кружкой и встала сзади Хана. Подняла воротник его халата и прямо через ткань принялась осторожно массировать шею. Хан сначала болезненно кривился, но терпел. Потом боль, по-видимому, отступила, и он немного расслабился, выражение его лица смягчилось, он чуть-чуть постанывал то ли от боли, то ли от удовольствия.

– И больно, и приятно...

Руки у Маши быстро устали, она опустила их, отдыхая, он оглянулся и опять понимающе кивнул:

– Отдохни и еще немного помни.

После массажа они молча допили свое молоко.

С лестницы донесся шум, потом кто-то гулко прошлепал по коридору, подергал запертую дверь столовой.

– Кто там? – спросил Хан, с дивана не было видно этой двери.

Подошла Надя:

– Вот суки, жрать хочу, а столовка закрыта. А вы тут что, воркуете? Я смотрю, ты, Хан, мужик не промах, трех девок взял и еще тетку окучиваешь? Где тут у вас можно пожрать?

Хан поднялся и отвесил ей такую оплеуху, что она осела на пол, а он тут же ушел, не прощаясь и не оглядываясь.

Мария помогла Наде подняться и тоже пошла к себе, а Надя постояла в одиночестве, громко сказала вслед скрывшемуся Хану: «Вот б...!» – и пошла на свой этаж.

На этот раз Мария заснула быстро, не помешал даже дружный храп соседок.

День принес новые неприятности. Мария не привыкла, чтобы ей отдавали приказания все, кому не лень, а тут испытала в полной мере, что это значит – находиться в самом низу социальной лестницы. Олег Аркадьевич распределил вновь прибывших на рабочие места. Те, кто попал в «жены» к ученым, к врачам, оказывается, освобождались от трудовой повинности, им вменялось в обязанность только следить за порядком в квартирках и ублажать своих повелителей. Остальные девушки получили направления на общественно-полезный труд, причем «жены» лаборантов сами выбирали себе места работы, согласно своим склонностям, а вот девчонкам, попавшим к охранникам, не повезло, им доставались совсем непрестижные, на взгляд горожанок, места – работа на ферме, на сыроварне, маслобойне, в колбасном цеху, на огороде. Последними распределялись Мария, Галя и Валя. Старушка Наталья нигде не работала, Мария думала, что и Валу освободят от трудовой повинности, но та возмутилась: «А я, что, буду сидеть, смерти ждать? Нет, уж лучше робить». Она привыкла вкалывать всю жизнь, и сейчас не могла остановиться... И ее направили вместе с Галей в прачечную. Мария попала на кухню. Чуть раньше туда угодила еще одна молоденькая девушка, Лена. Вдвоем, они должны были помогать поварихе Шуре.

В ожидании завтрака у закрытой двери столовой толпился народ. Мария накрывала столы и через стеклянную дверь мельком поглядывала на собравшихся людей. Девчата здоровались, переглядывались, перебрасывались шутливыми замечаниями по поводу первой брачной ночи. Спустились девушки Хана, на чей-то вопрос: «Ну как?» – Лика сразу громко ответила: «Класс!». Надюха сплюнула:

– Вот б..., а мне не повезло! Да таких мужиков, как этот Слава, мне десяток надо на ночь! Слабак!

Хорошо, что самого Славы здесь не было, бедный парень, как ему было бы неловко, посочувствовала Мария. Показался Хан, похоже, он слышал Надины слова, но та не смутилась, а только отодвинулась на всякий случай подальше и продолжала, нахально глядя на него:

– Вот Лике повезло, а что, хозяин, может, я тоже вам сгожусь? Я девка горячая, этот дохлый Славик не по мне... У меня всего валом: и тут, – она хлопнула себя по толстому заду, – и тут, – Надя обеими руками приподняла тяжелые груди.

– Сгодишься, наверняка сгодишься, ты вчера слышала, что Олег Аркадьевич говорил об уважении?

– Да он много о чем толковал, что, мне записывать за ним, что ли? – удивилась Надя. – Так я не писатель...

Шура, заметив Хана, побежала с поклоном открывать дверь перед хозяином. Надя вошла следом за ним, успела сесть за стол первая и тут же громко велела Марии налить ей кофе в чашку побольше.

– Ты что мне даешь наперсток? Я, так твою мать, все люблю большое, – и она подмигнула Хану. – Ну ты че, Машка, вчера тоже разговелась?

– В каком смысле? – удивилась Мария.

– Да ладно тебе, я же видела вас, – Надя подмигнула и ей.

Мария просто онемела, ей казалось, что Надя должна была бы вчера понять, что Хан не потерпит хамства, но та была непробиваема.

– Стас, принеси-ка шприц и ампулу... – Хан произнес какое-то длинное название лекарства.

Тот сразу ушел и быстро вернулся.

– Сделай ей внутривенный. Ребята придержите, – махнул он головой лаборантам. К Наде тотчас подошли Стас и еще двое парней:

– Дай-ка руку, – сказал Стас.

– Это зачем еще? – спросила она, тем не менее автоматически протягивая руку.

Под мышками у нее расплзлись пятна пота.

– Укольник сделаю, сама слышала, шеф сказал, что надо тебе успокоительное дать, а то ты слишком шумная.

– Э-э! Ты чего?! Какое еще успокоительное?

Но ее руку уже крепко держали, а Стас ловко попал в вену.

– Вот и все, держи ватку.

Надя растерянно прижала ватный шарик.

– Не забудь, Стас, записать в журнал наблюдений.

– Я уже записал...

– Олег, Славка пусть другую себе подберет, а эту на первый этаж переведи.

– А какого хрена я там буду делать? – Надя сообразила, что жить одной будет поскучнее, чем со Славиком. Похоже, она остается совсем без мужика.

– Чтобы за столом я ее больше не видел.

Потом Хан распорядился обследовать Надюху.

– Зачем это? У меня всегда все анализы хорошие, здоровая я! – возмутилась она.

– От того укола худеют, вот надо проследить, – объяснил ей Стас.

– Значит, я похудею без диеты? Здорово! А говорили – успокоительный!

– Тебя, Надька, таким уколом не успокоишь, – добавил охранник Юра.

– Ой, Юрик, что за намеки? – радостно повернулась она к нему.

Но развить эту тему ей не позволили.

– Если ты поела – выйди отсюда! – оборвал ее Олег Аркадьевич.

Этот ли выговор подействовал или лекарство, но Надя притихла. Медики поели и разошлись. Мария и Лена убрали со столов и вновь накрыли для второй смены. А самим пришлось завтракать после всех, так распорядилась Шура:

– Вымойте посуду и тогда ешьте сами.

Сначала Мария думала, что ей повезло, ведь всегда место на кухне считалось «тепленьким». Но она ошиблась, в первый же день Шура заставила их выдраить всю кухню, хотя на Мариин взгляд, там было идеально чисто. Ей пришлось промыть все шкафы, панели, пол с моющими средствами. Вымыть и натереть редко используемую посуду. Повариха не стала с ними церемониться, отдавала распоряжения, как школьницам, никакой женской солидарности. Мария, сцепив зубы, молча выполняла все ее команды. Шура предупредила своих помощниц, что если ей не понравится, как они работают, сразу скажет Олегу Аркадьевичу, и тот отправит их в другое место, предварительно наказав. В какое именно, она не уточнила, но сказала так, что было понятно – лучше постараться здесь. Молоденькую Лену отпустили с работы перед ужином, сама Шура ушла после него, а Марии пришлось еще перемыть всю посуду и кое-что приготовить на утро. Только она собралась уходить, как появилась Шура, беззастенчиво проверила, все ли сделано. Мария буквально падала с ног – повариха ее не пощадила. Так что еще неизвестно, где хуже, и если бы не страх перед здешними надзирателями и их плетками, Мария бы взбунтовалась. Но за этот день она дважды видела, как молодые девчонки получали плетью по спине даже не за провинность, а так просто, чтобы привыкли подчиняться. Похоже, из женщин только Шура пользовалась особыми привилегиями – хозяйин, несмотря на свой худощавый вид, любил вкусно поесть и ценил хорошую кухню.

После работы Мария направилась к себе, ей пришлось пройти через холл, к этому времени здесь собрался народ. По-видимому, это было место общения. Женщины болтали, сидя на диванах, а мужчины за столами в углу и у окна играли в карты, домино и шахматы. Курильщики собирались дальше по коридору, там, за поворотом, был еще один холл, поменьше, и, как она потом увидела, именно там стоял рояль. Сейчас кто-то на нем прекрасно играл, сюда доносились звуки неизменного полонеза Огинского. Немногочисленные женщины, жившие здесь до их приезда, знакомили вновь прибывших с местными правилами общежития. Мария не стала задерживаться, она смертельно устала. Девчонки не были такими измотанными, как она, ей явно досталось больше работы плюс бесконечные мелочные придирки Шуры, да и возраст сказывался, а главное, на нее удручающе действовала перспектива попасть на лабораторный стол. Эта мысль не выходила у нее из головы.

Ее товарки также сразу прошли в свою комнату, они тоже валились с ног от усталости. Только Наталья чувствовала себя прекрасно, старушка бодренько просидела на кровати, покачиваясь, весь день. Она пояснила, что никогда не выходит вечерами в холл вместе со всеми остальными: никто не хочет общаться со старухой, да и особое «предназначение» жильцов этой комнаты отталкивало от них молодежь, тем было неловко контактировать со смертницами.

– Послушай, Наташа, а почему ты все время говоришь о смерти? Что это за опыты? Что тут делают с женщинами? Олег Аркадьевич говорил о витаминах...

– Какие там витамины! Тут человека опускают в воду и пропускают токи, лучи всякие, смотрят, как они повлияют на организм. Сначала свинью туда, потом бабу... Может, и не сразу помрешь, так их же повторяют, опыты эти, пока не сдохнешь... Да мне все равно тут лучше, чем в стардоме, там бы уже с голоду померла давно. Я сама согласилась поехать. Вот только

скучно стало без старух. Вы тоже тут со мной сидеть не будете, вон вас на работу определили... И что Валя рвется туда? Сидела бы со мной...

Комната была небольшая, в ней помещались только четыре кровати и тумбочки возле каждой, даже стульев не было. Все женщины устроились на кроватях и молчали, разговор не клеился, слушали доносящиеся сюда звуки рояля и голоса. Галя вдруг затянула какую-то свою песню, сначала совсем тихонько, себе под нос, потом все громче. Песня была странной, ужасно монотонной, заунывной. Когда она допела, Наталья спросила, о чем песня-то? Та задумалась, похоже, не могла перевести на русский.

– Это чабанская песня.

– Об овцах, что ли?

– Нет, он поет: «На курганчике, на мурганчике, стоит хорцык-морцык, зайчик земляной»...

– А дальше?

– Все.

От изумления у Марии открылся рот...

– Это все?

Вообще-то, Галя пела довольно долго... Спрашивать, что это за зверь такой «хорцык-морцык, зайчик земляной», Мария, конечно, не стала...

Валя прилегла прямо на покрывало и заснула, слушая Галину песню, она даже начала тихонько похрапывать, сама Галя тоже как-то быстро отключилась. Только что пела и вот уже ткнулась в подушку и вовсю посвистывает носом. Одна Наталья все сидела, покачиваясь, на своей кровати, глядя в одну точку. В тусклом свете высохшая, сморщенная, как печеное яблоко, старушка выглядела мумифицированным трупом. Марии стало страшно, она отвернулась и постаралась больше не смотреть на свою соседку.

Да, сегодня она, наработавшись, так устала, что не было сил раздеться и потому, так же, как и другие, не раздеваясь, тихонько опустилась на подушку. Думала, что полежит немного, а потом сходит в душ и тогда уж ляжет спать по-настоящему, сегодня-то она сразу заснет. Но стоило ей только прилечь, и она поняла, что ни раздеваться, ни идти в душ уже не сможет – не было сил пошевелиться. Мария отключилась. Через пару часов ей все же пришлось проснуться – Ира осторожно трясла ее за плечо.

– Ты чего?

– Тетя Маша, мне надо с вами поговорить, – глаза у Ирочки наполнились слезами.

Мария села.

– Что случилось? – шепотом спросила она.

– Я боюсь, сегодня он меня, наверно, возьмет...

– Что возьмет? – спросонок Мария никак не могла понять, о чем говорит Ирочка.

– Вчера он Лику забрал, а сегодня, наверно, меня...

До Маши наконец дошло, о чем говорит этот ребенок.

– Тебе сколько лет-то?

– Девятнадцать.

– Я думала, тебе шестнадцать всего.

– Я боюсь, – у Ирочки по розовым щечкам потекли слезы.

Мария с трудом поднялась, все тело у нее ломало, и, взяв Иру за руку, вышла из комнаты. Из холла доносились взрывы смеха, и громкий Надин голос, она чем-то развлекала аудиторию, похоже, действие укола уже прошло, Надюха опять в форме. Мария огляделась, в конце коридора, рядом с ее комнатой, была небольшая ниша с парой кресел.

– Пойдем туда. Ну, рассказывай, чего ты так боишься? Что, Лика жаловалась? Хан издевается, бьет, он жестокий извращенец? Вроде бы она утром веселая была, даже хвалилась, я слышала... И почему ты думаешь, что теперь твоя очередь, может быть, Рита пойдет?

– Нет, он сказал, пока спина не заживет, Рита в конкурсе не участвует... Наверно, он в нее влюбился: вчера, как только вошли в его номер, сразу велел ей раздеться, и Лика еще раз смазала ссадины, а он сам разжег камин, чтобы Рита не мерзла. Сказал, что ей нельзя одеваться, потому что мазь должна впитываться в кожу, а не в одежду, и что она лучше действует на воздухе. А Рита говорит ему: «Дайте аннотацию, я сама почитаю, что это за мазь, надо ли мне стоять раздетой». А Хан сказал, что сам подбирал ингредиенты и потому лучше всех знает, как она действует. И еще спросил: «Что тебя так беспокоит нагота? Такой красавице, как ты, Рита, нечего стыдиться, сиди голая». И ушел с Ликой в свою комнату.

– Я думала он вас там избивает... Чего же ты боишься? Может, Лика потом жаловалась?

– Нет, она утром только пришла и сказала: «Мужик – супер!»

– Ну вот, в чем же тогда дело?

– Я же еще ни с кем никогда не была...

– Перестань хныкать, обидно, конечно, первый раз вот так, без любви... Но ты уже взрослая, понимаешь, что тут ничего страшного нет. А как же раньше замуж отдавали? Бывало, невеста жениха и в глаза не видела? И всякие браки по расчету... А на Кавказе воровали невест... Не бойся, может быть, тебе даже понравится, Лике-то понравилось...

– Да-а-а, – недоверчиво протянула Ира, – только мне все равно страшно.

– А тебе не пора наверх? Не будет он за это ругать?

– Нет, он сказал, чтобы в одиннадцать мы были на месте, а вообще, если он уходит отсюда, то мы тоже должны идти к себе. Тут для всех отбой в двенадцать, потом в своей комнате еще можно поболтать, но по коридорам уже нельзя бегать и шуметь. Мне еще полчаса можно посидеть.

– Да я тут засну тогда! Устала сегодня страшно, загоняла меня эта Шура. Завтра приходи, расскажешь, как все прошло. Иди к молодежи, видишь, как там, в холле весело, такой хохот стоит, и не подумаешь, что девушек насильно сюда привезли...

Галя во сне что-то бормотала, Валя похрапывала, Наталья постанывала. А ей Ирочка перебила весь сон. Мария так же, как и в прошлую ночь, долго лежала с открытыми глазами, слушая вздохи усталых пожилых женщин. Ее все еще не отпускало нервное напряжение, иногда она вроде бы и засыпала, но при каждом новом всхрапывании соседок, просыпалась. И мешал шум из коридора: все это время сюда долетали музыка, голоса, смех Надюхи. Мария еле дождалась, пока в здании смолкли все звуки, похоже, народ разошелся по своим комнатам. Глянула на часы – первый час ночи. Тихонько встала и все-таки пошла в душ – санузел был напротив их комнаты, через коридор. После купанья ей стало немного легче, но спина и руки все равно ныли. Спать совсем не хотелось, и она пошла в холл, решила посидеть в одиночестве на диване, пока высохнет голова. С детства помнила старое правило: если не спится – встань, не лежи в кровати, кровать должна служить только для сна. Хотя вчера их всех строго предупредили: в холле, столовой, библиотеке, музыкальной комнате в халатах не появляться, она не стала заходить в свою комнату переодеваться, а так, как была, в халате, с мокрой головой и полотенцем на плечах прошла по полутемному коридору до кожаного дивана. Странно, в этой тюремной зоне (иначе не скажешь) все переодевались к обеду и ужину, как в благородном дворянском семействе.

Оказывается, женщины тут могли даже заказывать для себя одежду по различным каталогам, платили за это их мужчины, так как и работающим женщинам ничего не начислялось. Лена на кухне сообщила ей об этом, она с самого утра радостно предвкушала, как будет вечером выбирать себе наряды. Молодежь сразу получила такую возможность, хотя, конечно, все зависело от положения «мужа». За Марию платить было некому, таким женщинам был положен минимальный набор одежды, и ей уже выдали дешевое белье, пару ситцевых ночных рубаш, джинсы и футболку, столько же вещей дали и ее сожительницам.

Мария недолго сидела одна, следом за ней в холле появился Хан. Он словно ожидал встретить ее здесь, сразу кивнул в сторону кухни – неси, мол, молоко, сам уселся на диване. Когда Мария вернулась с кружками, приказал сесть рядом.

– Расскажи-ка мне что-нибудь интересное, а то настроение плохое...

– Вы хотите, чтобы я подняла вам настроение? – изумилась Мария.

– Мне надо отвлечься, у меня мозг так устроен, что я не могу сразу отключаться от работы. Обычно у людей проблема как раз в другом – не могут сосредоточиться на работе, а я вот такой... Но отдых ведь требуется... Рассказывай любую ерунду, можешь доверить мне любые секреты, я не болтун, они навсегда останутся секретами...

– Предлагаете исповедаться палачу?

– Почему бы нет? – слово «палач» он пропустил мимо ушей. – Тебе же хочется поговорить о своей жизни, так ведь? Ты тоскуешь по близким, жалеешь себя, свои несбывшиеся надежды, а слушать тебя некому – твои соседки сами хотят изливаться... Давай, начинай!

– Спасибо за интересное предложение, но у меня нет никакого желания плакаться в жилетку кому-либо, а уж тем более вам!

– Ты не поняла, это приказ. Если не хочешь усложнить свое существование, начинай! Что-нибудь выбери поинтереснее из своего серого, постылого бытия...

– Да, моя жизнь была скучной, так что ничего интересного выбрать невозможно. Вы бы лучше поговорили с молодыми, вон Рита – не человек, а фонтан, из нее так и брызжет энергия, ей явно есть что рассказать, такое же увлекательное, яркое, как она сама...

– Нет, мне сейчас нужно что-нибудь поспокойнее, пусть даже скучное, умиротворяющее... Вспомни, что у тебя было хорошего, доброго?

Он говорил так уверенно, властно, совершенно не сомневаясь, что она сейчас же выложит ему на потеху все свои тайны, всю историю своей жизни. И Мария вдруг невольно стала припоминать, а что же у нее в жизни было хорошего? Но почему-то, в голову лезло только плохое: ни с того, ни с сего вспомнила, как муж, у нее на глазах, начал ухаживать за другой женщиной, а то как-то в большой компании оборвал на полуслове ее рассказ: «Помолчи!» Потом вспомнила, как однажды она надела новое платье, оно ей так шло, повернулась к нему, спросила: «Ну, как?», – естественно, ожидая восторгов, а он сказал: «Глиста в корсете»... Стоп, ведь было же и хорошее у них! Ну-ка, вспомни, какие охапки черемухи он приносил! Да, черемуху носил... А что еще было?

Но как бы она ни прожила свою жизнь, ей совершенно не хотелось сообщать Хану ни о хорошем, ни о плохом... Мария молчала.

– Понятно, ничего хорошего не было... Я думаю, обеспечены вы были плохо...

– Как и все...

– Машина-то хоть была?

– Да.

– О-о-о! Ну это уже кое-что. Наша? Импортная? Какой марки?

– Сначала старая «Волга».

– Купили старую? Хотя бы на ходу?

– Да, в организации купили, списанную, она ездила, но со скоростью сорок километров в час.

– Господи, и это называется «машина»? Ну и что вы делали с такой «машиной»? Запрягали в нее лошадь?

– Муж чинил ее все время. Она была смешная...

– Сорок километров в час, конечно, смешная.

– Да там не только скорость была смешной... Электрика еще все время замыкала, и на кочках она сама собой сигналила. Было так забавно ехать по улицам: на каждой кочке машина сигналил, а прохожие думали, что это кто-то знакомый едет, здоровается с ними,

и в ответ все нам махали. Я в ней чувствовала себя Юрием Гагариным: был бы в крыше люк, высунулась бы из него и поприветствовала народ... Потом муж исправил это. Мы нашу машину звали «Ласточка». Вместительная такая, сын с собой еще и друзей брал, пацаны набивались сзади, как кильки.

– И все?

– Что, все? Нет, там с этой машиной было много смешного... То у нее стартер сломался, но машина в этот момент стояла на горке, муж подтолкнул ее, она и покатила. Я думала, что сейчас врежусь в ней во что-нибудь – водить-то я не умею и сидела на пассажирском месте, – но Веня успел, догнал и запрыгнул на ходу, как каскадер. А то мы однажды всей семьей да еще дружок сына, он всегда с нами ездил, поехали за город на пикник. Мальчишки все время ныли, просились по-маленькому, а муж злился, не хотел то и дело останавливаться. Но потом притормозил, и все вышли из машины. Ехали по степи, по молодой траве, и на ней отпечатались следы машины, а между ними какая-то полоса, как от хвоста... Муж заглянул – оказывается, бензобак отрывается, царапает землю одним углом, еще немного и совсем отвалился бы... Подвязал его веревкой, кое-как доехали до дома... И в песке мы однажды застревали. Тоже выезжали за город, на пруд, купаться. Ехали по грунтовке, надо было пересечь пару глубоких ложбин, через них дорога проходила по высоким насыпям, узкие такие насыпи... Вот поднялись наверх и увидели в следующей ложбинке уже пруд, а дороги дальше нет. Все вышли, осматриваемся, думаем, как лучше туда спуститься. А наша машина вдруг покатила назад, тормоза отказали или муж что-то неправильно сделал, он тогда еще неопытным водителем был. Веня даже присел и лицо руками закрыл, испугался за машину – насыпь-то узкая была, все замерли, ждали, что наша Ласточка вот-вот перевернется. А я сразу стала волноваться, как нам домой возвращаться? До шоссе далеко, народу поблизости никого нет... Стоим, смотрим, как наша машина без нас спускается вниз, а она проскочила самое низкое место, поднялась немного вверх и поехала назад, опять к нам, так и каталась, как маятник, потом остановилась посередине оврага. Муж спустился к ней, выехал снова наверх и поставил нашу «Волгу» в тень. Мы там чудесно провели весь день, пруд хороший, чистый, вода теплая... Вечером собрались домой, а машина все это время стояла на песке, за день тень передвинулась, песок нагрелся, стал зыбким, и она увязла в нем. Дети хотят пить, есть, но все у нас кончилось, все устали, мне вдруг стало плохо с сердцем, а машину вытаскивать некому... Вокруг ни души...

– Ну и что? Ночевали там?

– Нет, какая-то компания к нам подъехала, полная машина молодых парней, они нас выдернули... А зимой, в гололед, мы слетели в кювет, мужу пришлось идти за трактором, нас долго волокли по полю до съезда с шоссе и глушитель оторвался. Этот глушитель тоже, как бензобак раньше, тащился под машиной. Инструментов с собой никаких не было, и Веня не мог его снять, поэтому пять километров до ближайшего ремонтного пункта мы проехали за полтора часа.

– И сколько лет у вас эта машина?

– Уже давно продали... Муж хорошо отремонтировал ее, она даже быстрее стала ездить... А перед продажей отдал ее покрасить – «Волга» была вся поцарапана. Вместе ее забирали после покраски, едем, а впереди ассенизаторская машина, полная до краев. И на кочке из нее выплескивается вонючая жижа и шлепается на асфальт перед нами и нашей Ласточке на капот. Мы, конечно, ее отмыли и поставили в гараж. Решили больше не трогать, чтобы не поцарапать, и дали объявление на продажу. Через неделю приходят покупатели, открываем гараж, а там такой запах!.. Мужики говорят: «А что вы в ней возили? Или просто сами так сильно боялись?» Не продали из-за этой вони. Тогда муж погнал ее на мойку, чтобы вымыть, как следует, чтобы колеса отмыли – мы-то проехали по дерьму, а попробуй, шины отмой... Когда возвращался, разрешил сыну сесть за руль. Алеше очень хотелось порулить. Ну, он не вписался, не смог точно заехать в гараж и оторвал ручку с задней двери...

– И что сказал муж?

Похоже, их машина заинтересовала Хана.

– Сказал: «Ничего, сынок, эта ручка обойдется нам всего-ничего, а вот у меня на работе сын сослуживца своей „Нивой“ умудрился оторвать ручку на чужой „БМВ“ и ободрать ей бок... Им это обошлось раз в десять дороже...»

– Пора спать.

Хан внезапно прекратил разговор, встал и, как и в прошлую ночь, не прощаясь, ушел по коридору. Мария посмотрела ему вслед и пошла к себе. Странно, не собиралась говорить ему ни слова о своей семье и вдруг рассказала так много...

По заведенному распорядку дверь в столовую всегда распахивала Шура и только перед Ханом или другими врачами, если хозяин не приходил на трапезу. Лаборантам и их женам приходилось ждать. Оказалось, что в первый день Мария видела не всех спецов. Здесь трудилось довольно много врачей, как сказала Шура, были представлены практически все узкие специальности, но многие из них давно остепенились, у них имелись постоянные женщины, и они не приходили смотреть на девчонок. Кроме врачей, работали химики, биологи, физики. Все они и их женщины питались в первую очередь. После обеда «высшего эшелона» Мария и Лена наводили порядок в столовой, и тогда заходили все остальные. Но хотя руководство питалось отдельно, блюда подавались одни и те же для всех.

На следующий день за ужином Ирочка так поглядывала на нее своими огромными голубыми глазищами, что Мария смирилась со своей участью и покорно пошла с нею в дальний угол коридора.

– Ну, что? Как прошло?

– Он меня не взял... Сам Риту смазывал, говорит «Я становлюсь мазохистом – такую роскошную девушку каждый вечер вижу обнаженной, глажу ее, можно сказать, ласкаю, а в постель взять нельзя. Вчера меня спасла только равноценная замена, мисс Экзотика, а сегодня...». И повернулся ко мне. Я испугалась, а он и говорит: «Малыш, ты с таким ужасом на меня смотришь, что я не решаюсь тебя звать, пожалуй, мы с Ликой повторим вчерашний урок, а ты повзрослей немного. Пошли, Экзотика». Он Лику так называет, потому что она похожа на мулатку.

– И все? Тебя не тронул?

– Нет, – Ирочка тарщила свои наивные глазки. – Наверно, сегодня...

– Ну, перестань трусить, он с вами совсем по-человечески обращается. Я знаю примеры гораздо хуже, а те девчонки выходили замуж по любви.

– Да? А он вчера там наверху танцевал с Ликой...

– Танцевал?! Не ожидала...

– Да, правда... Говорит, ты похожа на испанку, должна уметь танцевать танго. Нашел диск, и они стали танцевать. Смешной такой... А танцует и правда хорошо. Потом со мной танцевал, учил меня, и с Ритой. С Ритой вальс, на вытянутых руках, чтобы ей не больно было, до спины не дотрагивался. Потребовал, чтобы она танцевала голая: «Доставь мне, говорит, хотя бы эстетическое удовольствие...» – Ирочка сидела, задумчиво улыбаясь.

– Разрешил нам заказывать одежду по французским каталогам. У меня никогда столько вещей не было.

– Ну, это когда еще их привезут...

– Привезут, привезут, все говорят, что быстро привозят. Олег Аркадьевич заказывает, и все доставляют сюда.

– Ну вот и хорошо, так вам будет веселее жить.

– Я еще заказала крема всякие, маски для лица, духи... Ну ладно, тетя Маша, я пойду.

Ирочка пошла в сторону холла, а потом повернулась и крикнула:

– Я еще серьги заказала! С бирюзой, Хан сказал к моим глазам!

А глаза у нее сейчас просто сверкали от восторга. Мария зашла в свою комнату, там уже все лежали, и разговор явно угасал, вот-вот начнут похрапывать, надо самой успеть заснуть до этого, решила она, и, на самом деле, тут же заснула.

На этот раз ее разбудил громкий топот в коридоре: парни и девчата резвились, как дети. Надежда оглушительно хохотала и материлась. Мария сейчас сама бы вколола ей успокоительное. Она выглянула в коридор и увидела, как Надюха шагает по коридору в коротком халате, бесстыдно распахивающимся при каждом ее шаге, демонстрируя парням свои объемистые прелести, а те по очереди пытались обнять ее. Она отпихивала их, довольно смеялась и что-то кричала своим подругам через весь коридор.

Мария подождала, когда все утомонятся, а потом, как и в прошлую ночь, пошла в душ, после него опять немного посидела в пустом холле, чтобы высохли волосы. Она уже поднялась, чтобы идти к себе, как ее окликнул Хан.

– Подожди, давай поговорим.

Жаль, не успела уйти, ей уже хотелось спать.

– Слушай, я что-то проголодался, приготовь что-нибудь...

– Что?

– Что бы ты сама съела, то и готовь... – он сел на диван и закрыл глаза.

Есть ей совершенно не хотелось, но Мария невольно вспомнила, как сын в детстве требовал по ночам гренки, и решила пожарить их. Когда все было почти готово, Хан сам пришел на кухню:

– Пахнет вкусно... Ну, давай, рассказывай, – скомандовал он. – Что там у тебя еще было интересного, кроме машины?

– Опять?

Он посмотрел на ее лицо и удрученно добавил:

– Вижу, вижу, ничего интересного. Ну, расскажи хотя бы, как познакомилась со своим мужем.

– Как все, на танцах.

– Как он за тобой ухаживал? Долго? Или сразу в койку?

Мария вспыхнула, как девочка.

– На свиданья ходила? Кто кого ждал: ты его или он тебя?

– Вообще-то, чаще я ждала, – вдруг честно сказала Маша, – стояла за углом, выходила после того, как он появлялся, чтобы не знал, что я его жду.

– Дальше. Кто за кем ухаживал: он за тобой или ты за ним?

– Конечно я, мужики-то народ робкий, их всегда надо подталкивать...

– О-о! Какие выводы, а твоя внешность и поведение не соответствуют таким житейским установкам... На основании чего же сделано такое заключение?

– Жизненный опыт, – усмехнулась Мария. – Считается, что мужчины более решительные и энергичные, а на самом деле, женщины смелее. Нет, конечно, есть смелые мужчины, но тогда это такие сильные личности... Таких знают все, ну, в смысле, кого-то весь город, кого-то страна, а кого-то и весь мир. Но рядовой мужик всегда слабее средней женщины.

– Приведи пример.

– Так вот сразу не вспомнишь... – она задумалась. – Ну вот был такой случай: я решила закаляться и стала по утрам обливаться холодной водой, во дворе. Выхожу как-то, шесть часов утра, осень, туман, забор у нас глухой, высокий, калитка прикрыта. И никогда никто к нам так рано не приходил. Я обычно снимала пижаму, отходила на середину двора и там выливала на себя ведро холодной воды, а полотенце всегда висело на двери, то есть ближе к калитке. Так и на этот раз: вылила воду на себя и иду к двери за полотенцем. В этот момент открывается калитка, и входит знакомый, приехал к мужу издалека, а еще же совсем рано было, толком

не рассвело, видно плохо, он шагает мне навстречу, и вдруг до него доходит, что я голая иду к нему, в его направлении и...

– Теперь я угадаю: он выскочил со двора.

– Да.

– Один случай – это исключение из правила.

– О, был же еще один!

– Ты, что, всем знакомым мужикам показалась в обнаженном виде?

– Нет, на этот раз все наоборот. К нам приезжали гости, а у нас горячего водоснабжения нет, только газовая колонка, автоматику в ней мы давно отключили, и поэтому, пока газ горит, воду выключать было нельзя. Один товарищ, гость, пошел купаться, ему все объяснили, но он забыл об этом, закрыл кран, а газ-то продолжал гореть, вода закипела и бахнула. Он с перепугу выскочил в коридор в чем мать родила, я услышала взрыв и, разумеется, примчалась к ванной. Это все происходит одновременно: я несусь на шум к ванной, а он в этот момент оттуда вываливается, видит меня, поворачивается и ныряет назад. Оказывается, мужику лучше броситься в эпицентр взрыва, чем предстать голым перед женщиной...

– И что, взрыв сильно разрушил ваш дом?

– Ну что вы, просто трубка змеевика лопнула, немного пара и все, потом менять ее пришлось, это я в шутку хлопок взрывом назвала. Но испугался он на самом деле.

– Вернемся к досвадебному периоду. Твой избранник как-то все же оказывал тебе внимание?

– Клубничку приносил, – вспомнила она, в молодости это ее так умиляло. – У бабки на углу купит и несет в газетном кулечке. Я тогда студенткой была, а клубника всегда ведь дорогая...

– Так, а в койку когда же?

– Что, рассказывать только про койку?

– Нет, – улыбнулся Хан, – давай все подряд, и про ягоды, и про цветочки.

– И цветочки носил... Он однажды пьяный пришел, принес целый куст сирени, выдрал где-то с корнем. Хотела отругать его, а бабулька какая-то мимо проходила и говорит: «Ой, дочка, как он тебя любит!...» Я тогда в это поверила. Потом пошли к нему в гости, думала, хочет познакомить с родителями, а оказалось, их не было дома, они куда-то уехали. И я осталась у него на ночь, а утром сосед пришел, мне пришлось прятаться в другой комнате. Мужик такой болтун, стоит и стоит, уже скоро родители должны вернуться, а он все не уходит.

– И что, после этого сразу поженились?

– Нет, он не хотел. «Рано, говорит, мне жениться, я еще молодой, погулять надо...». Веня просил, чтобы я аборт сделала, но я отказалась. В загс пошли, когда я уже на девятом месяце была. Служащая в загсе посмотрела на мой живот и говорит: «Ну что, привела?» Мария замолчала, двадцать лет прошло, а ей все так же обидно...

– Расписались, – продолжила она, – а ребенок, девочка, при родах умер. Я сейчас думаю, что это знак такой был свыше, что наш брак не одобрен... Потом Веня долго не хотел детей, все говорил, для себя надо пожить... А я мечтала иметь большую семью, кучу детей. Не знаю, как я только сына родила, – правильно говорят, все от Бога. Потому что предохранялась-то, как всегда, и вдруг – беременность, сама не поняла, как это вышло... Потом муж меня всегда этим попрекал, говорил: «Ты же хотела ребенка, вот и нянчи», или «Вот и веди в садик, вот и сиди на больничных...» «Она рассказала, и ей стало стыдно из-за того, что опустилась до жалоб этому человеку, и из-за того, что позволяла вот так с собой обращаться...

– Надо же, как ты его любишь...

Она пожала плечами, подумав, что тогда, да, любила, а сейчас уже стала в этом сомневаться.

Хан поднялся.

– Скучно? Я же говорила, ничего интересного у меня не было...

– Иди, спи.

Этот разговор с Ханом разбередил ей душу, и, лежа в постели, она ругала себя за свою бесхребетность: зачем жила с человеком, который не любил ее?

Ночные встречи Марии и Хана повторялись, это становилось неким ритуалом: она приходила после ужина в свою комнату и дремала под разговоры соседок, а потом, когда они засыпали и их ночной «хор» расходился в полную силу, женщина вставала, принимала душ и шла на кухню греть молоко себе и Хану. Как-то он не пришел, тогда она выпила двойную порцию молока и легла спать – сидеть в пустом полутемном холле одной уже не хотелось...

Однажды Надя снова наткнулась на них – здоровой девахе явно не хватало ужина, требовалось подкрепиться еще разок среди ночи.

– О, опять сидят!.. А я перекусить...

– Надя, ты же хотела похудеть, – улыбнулась Мария. – Так не похудеешь...

– Еще как худею, – заявила та, – и ем совсем мало, это я просто по привычке встаю, не могу спать, если ночью не перекушу.

Она по-хозяйски пошарила рукой над дверью, нашла ключ и прошла на кухню. Долго там гремела посудой, раздавался звон разбитой тарелки... Хан был невозмутим. Надя поела и ушла.

– Бедная Шура, она будет в шоке, когда увидит такой разбой. Пойти убраться, что ли, после Нади.

– Ничего, сиди, Шура переживет, пусть Надя порезвится напоследок.

– Почему напоследок?

– Жить ей мало осталось, если я не ошибся, через неделю начнутся возрастные изменения, после этого еще проживет месяц, не больше...

– Не поняла, какие изменения?

– В следующий раз объясню.

Надоху каждое утро взвешивали, измеряли у нее давление, брали кровь на анализы.

И на следующий день она громко похвастала своими достижениями: каждый день сбрасывала по пятьсот – семьсот грамм.

– Так я скоро в манекенщицы пойду. А что, я баба смазливая, килограммы лишние сброшу и все.

Ирочка все также приходила к Марии почти каждый вечер, делилась своими страхами. Маша про себя уже думала, что поскорей бы, что ли, все произошло, надоело успокаивать ее, но Хан почему-то щадил наивную девочку.

Постепенно, во время ночных посиделок, как-то незаметно, Мария рассказала ему всю свою жизнь. Ей на самом деле эти беседы в темном холле стали приносить облегчение: поговорит о семье – и словно дома побывала. Хан оказался интересным собеседником, очень внимательным, понимающим и чутким. Угадывал ее настроение по смене интонаций. Умел подсказать нужное слово, продолжить ее мысль. Он как-то очень ловко заставлял ее выкладывать всякий негатив, женщина чувствовала себя как на приеме у психотерапевта. Рассказывая вслух свою историю, Мария теперь отчетливо видела все совершенные ею ошибки. Ах, как хотелось их исправить...

Если бы не место, где они разговаривали, и не принуждение, Мария получала бы удовольствие от таких бесед. Только уж очень ее корбило отношение шефа к женщинам, он считал всех их тупыми, жадными, безнравственными и безответственными. Она поняла, в чем причина такого отношения, когда однажды он коротко рассказал о том, что его в раннем детстве бросила мать, что рос он в детском доме. Хан не мог простить предавшую его мать. Он прекрасно учился, безо всякой помощи, а некоторые предметы осваивал вообще самостоятельно –

некоторых учителей у них не было, и смог поступить в институт. Директор детского дома в то время избирался в горсовет и, чтобы продемонстрировать всему городу, какой он заботливый педагог, выбил для него приличную социальную стипендию, помог получить место в общежитии. Вот уж не ожидала, что он сирота, а она придумала ему богатую семью... Потому, поняла Мария, он и считает, что ее сыну уже не требуется материнская забота. Судит по себе.

– Вы так осуждаете женщин, а как поступили с девушками?

– А как я с ними поступил? – удивился Хан.

– Притащили против воли сюда, устроили гарем...

– Да эти девочки отсюда сами уже не хотят уезжать.

– Да они же молоденькие, глупые еще, но вы-то понимаете, чего их лишили, это непорядочно... Вы думали, как им жить дальше?

– Не надо говорить мне о порядочности... И о молоденьких. Меня больше интересует старость... Конечно, и молодость как таковая, сама по себе...

– Я имела в виду...

– Понял я, что ты имела в виду, не пойму только, зачем ты усложняешь себе жизнь? Не читай мне нотации, иначе тебя подвешат на этом крюке, выпорют на виду у всех.

Мария испугалась: куда только девался ее понимающий собеседник, перед ней сидел деспот с перекошенным от злости лицом.

Вторая смена уже столпилась у дверей, а медики только встали из-за столов. Маша торопливо убирала грязную посуду, она увидела, как ко входу подошла Надя и ожидала, что та сейчас же начнет шумно возмущаться задержкой. Но девушка прислонилась к стене и терпеливо стояла, даже глаза прикрыла. Что это с ней? Уж не заболела?

– Надя, ты почему не доедаешь? – забирая после обеда у нее тарелку, спросила Мария, – хватит тебе худеть, и так уже тощая стала.

– Я и не хочу больше худеть, только что-то аппетита нет.

– А тебе еще делают эти уколы для похудения?

– Нет, ничего не делают, один раз, еще тогда, вначале, сделали и все.

Мария наклонилась над ней, забирая тарелку, и увидела в ее волосах седые пряди... Странно, раньше этого не замечала. У молодой девушки появились морщинки у глаз и чуть отвисли щеки. Странно, ей же лет двадцать пять, не больше...

– Надя, а ты не заболела? Что-то плохо выглядишь...

– Да нет, ничего не болит.

Она вообще сильно изменилась, стала гораздо спокойнее себя вести, уже не носилась с топотом по коридорам, перестала выходить на ежевечерние посиделки в холле.

– Маша, а у тебя волосы не лезут? – вдруг спросила Надя.

– Нет, не замечала...

– А у меня сыпятся. Думаю, это из-за воды. Что тут за вода? Неужели нельзя возить хорошую? И с лицом что-то – не пойму, кожа стала сухая, тонкая... Это все вода...

Надино состояние уже всем бросалось в глаза, девушки обсуждали эту тему между собой, все пришли к выводу, что у нее онкология, с единственным внутривенным уколом полученным ею на второй день приезда, состояние ее здоровья никто не связывал.

Как-то после обеда Мария услышала разговор Хана и Павла, молодого врача, они упомянули имя Надя.

– Нет, Паша, такие сильные изменения за короткий срок вызовут нежелательный интерес.

– Да сейчас все помешаны на диетах, надо просто его прием увязывать с какой-нибудь диетой или патентованным лекарством для похудения.

– В принципе, конечно, можно этот препарат предлагать исключительно для толстяков... И все-таки, я предпочитаю более пролонгированное действие.

И еще Мария обратила внимание, что Леонид Сергеевич, зам Хана, прислушивается к этому разговору, стараясь, чтобы шеф этого не заметил.

Странно, ведь вместе работают, наверно, мог бы и открыто подойти поговорить... Как и в любой другой организации, здесь свои подводные течения.

Мария не раз пыталась расспросить Хана об этом научном Центре, куда она попала, но он не хотел ничего говорить о нем, а если и отвечал, то крайне скупно.

– Если здесь занимаются проблемами омоложения, то почему такая секретность, почему охрана на вышках? – допытывалась она.

– Э-э-э, вообще-то, над омоложением работают только в этом корпусе, а в других более серьезная тематика... – он поморщился: – Ну зачем тебе все это?

Мария не решилась настаивать, и тема была закрыта.

Ирочка перестала ходить жаловаться, несколько дней не появлялась, и Мария решила, что наконец-то все свершилось, но однажды, когда она уже спала, девушка снова пришла к ней. Мария покорно вышла в коридор, и там, в тупике, Ирочка расплакалась. Старшая подруга обняла ее:

– Ну-ну, не плачь... Что, так погано? Знаешь, многим женщинам сразу не нравится, ты потерпи, милая, может, все не так уж и плохо, еще так мало времени прошло. Мы тут сколько уже? Месяца два? И не сразу же ты с ним стала спать, так что, может быть, все переменится...

– Нет, не переменится, он меня не хочет...

– Что? – удивилась Мария. – Ты ему не понравилась?

– Он меня еще ни разу к себе не позвал, то Лику зовет, то Риту, то их обоих, а меня нет... – рыдала она. – Каждый вечер говорит: «Малыш, тебе пора бай-бай».

– Так чего же ты плачешь? Ты же не хотела с ним спать, и вот так все хорошо вышло...

Ирочка зарыдала:

– Я его люблю...

Мария села в кресло, вот так поворот...

– Ира, это такой жестокий, безжалостный человек, он так бессовестно обошелся со всеми нами, насильно сюда привез, завел себе гарем, а ты говоришь о любви? На воле ты же училась?

Ира кивнула.

– Вот, а он лишил тебя всего, родителей, друзей, учебы, там у тебя был бы муж, для которого ты стала бы единственной...

Жаль, что она сама не стала единственной для своего Вениамина...

– Мне никто не нужен, я только его хочу... – причитала девчонка.

– Ну так скажи ему...

– Да? – слезы тут же высохли. – А можно?

– Да почему же нельзя? Спроси, когда же будет твоя очередь...

– Ладно, – Ирочка вскочила и ушла.

Вот блин, вечером она должна выслушивать откровения влюбленной девчушки, а ночью ее саму заставляют изливаться перед объектом этой страсти. Просто анекдот. Заснуть ей уже не удалось, и как всегда в два ночи она уже сидела в пустом холле. Попросить, что ли, Хана обратить внимание на Ирочку? Использовать личные связи, так сказать... Бедная девочка, уже измучилась: то так сильно не хотела, а теперь еще сильнее хочет...

Но хозяин пришел особенно хмурый, ему было не до шуток, Хана опять мучили головные боли, и Марии пришлось осторожно массировать ему шею и голову. Разговаривать он был не склонен, просто попросил ее опять рассказать что-нибудь.

– Да жизнь у меня не такая была, чтобы рассказывать о ней второй месяц подряд. Не знаю уже, о чем говорить...

- Ну, расскажи о работе.
- Я ее не любила и не люблю.
- Кем ты работала?
- Проектировщицей.
- А чем бы ты хотела заниматься?
- Не знаю... Пожалуй, реставратором...
- Неожиданно. Хотела бы возиться со старьем?

– Мне нравится возвращать вещам первоначальный вид, я терпелива и не брезглива. Мне не противно брать в руки всякие древности. Я думаю, что люди в основном любят свои вещи и потому вряд ли делают с ними что-то плохое.

– Так у нас много общего, я тоже пытаюсь вернуть первоначальный вид всякому старью. Почему же ты не стала реставратором?

– Так к тому времени, когда я поняла, кем хочу быть, я успела закончить строительный институт. Надо же было получать другое образование, а я уже вышла замуж. Муж был против того, чтобы я снова училась.

– Ясно, а ты пыталась устроиться в мастерскую каким-нибудь подмастерьем и поступить на заочное отделение, если уж так нужно было образование?

- Нет, к сожалению...
- Еще что-нибудь тебя в жизни интересовало?

А что ее интересовало? Муж, ребенок... Вдруг она вспомнила, как в молодости хотела написать рассказ.

– Выкладывай, я же вижу, ты о чем-то подумала.

– Да ерунда, говорить, собственно, не о чем, – но все же начала: – Лет пятнадцать назад мне вдруг захотелось написать рассказ...

– И что же тебе помешало?

– Не знаю, моя лень, наверно... Нет, не так, я попробовала тогда писать, но вот пробиться, сделать литературу делом всей жизни, этого вот я не смогла. Тогда Алешка только родился, и я написала рассказ о роддоме. Дала Вене прочитать, он долго смеялся надо мной: «Эх ты, осколок Толстого, самородок ты наш», – с издевкой, конечно. Я хотела дать еще кому-нибудь почитать, но он не позволил, не позорься, мол.

– Ну и что, ты бросила писать?

– Не сразу, попыталась еще раз, но было сложно, только начну – ребенок заплачет, надо к нему подойти, или Веня телевизор погромче сделает, а меня шум сбивает. Но еще один рассказ я все же дописала, даже хотела послать его в редакцию, позвонила туда, а мне сказали, что не принимают рукописный вариант, надо напечатать. За это я заплатила одной женщине, а Веня случайно узнал и сказал с иронией: «Ну что же, я рад, что хоть кто-то на этом заработал...». Я себя почувствовала такой дурой... Рассказ так и не напечатали, надо было кое-что переделать и опять перепечатать, прежде чем отдавать снова в редакцию, вот я и не стала больше деньги тратить. Да прав он, просто таланта у меня не было, был бы рассказ хорошо написан, его бы напечатали сразу, – когда человек талантлив, его не остановишь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.